

ВЕШНІЯ ВОДЫ.

Пробный номер

№ 5216

1914

Сборникъ Научно - Литературнаго
Кружка Русскихъ Студентовъ.

Цоль редакцій

Мих. Спасовскаго.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
1914.

3

10

(M)

1-й экз.

№ 5216 е.
19 янв. 1915г.

ВЕШНЯЯ ВОДА.

ДЖ 02
133

1151

Сборникъ Научно - Литературнаго
Кружка Русскихъ Студентовъ.

Л Пробный номер

Подъ редакціей
Мих. Спасовскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Отечественная типографія, Шпалерная ул., № 26.

1914.

ПРЕЗИДИУМЪ
Научно-Литературно-Художественнаго
Кружка Русскихъ Студентовъ.

В. О. Игнатовичъ
(казначей Кружка).

М. М. Спасовскии
(Предсѣдатель Кружка).

Н. П. Навалихинъ
(секретарь Кружка).

Съ великою благодарностию
изъясняющемуся Алексею
Ивановичу Рабоченкошурт
Русскихъ Студентовъ.
А. С. Спасовский

I.

2-го марта, 1914г.
С. П. б.

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ,

а потому

НЕИНТЕРЕСНАЯ.

„Дорогою свободной
Иди—куда влечетъ тебя свободный умъ“...
А. С. Пушкинъ.

Мысль издавать свой періодическій журналъ, хотя бы маленькій, скромный—давно возникла въ нашей студенческой семьѣ, когда еще только зарождался кружокъ. Но крайне незначительныя средства нашей организаціи не позволили намъ приступить даже къ подробной разработкѣ издательскаго дѣла. Ограничивались однѣми мечтами...

И только за послѣднее время, по мѣрѣ расширенія дѣятельности Научно-Литературно-Художественнаго Кружка, надежда на изданіе своего хотя бы Сборника вновь окрѣпла и воплотилась въ жизнь.

Цѣль изданія «Вешнихъ Водъ»—объединить, сплотить все мыслящее Русское студенчество въ теплую, товарищескую семью.

«Вешнія Воды» предполагается въ первое время издавать раза два, три въ годъ. Если позволятъ средства, то выпускъ Сборника, конечно, будетъ усиленъ.

Въ послѣдующихъ выпускахъ начнутъ печататься картины русскихъ художниковъ студентовъ, портреты видныхъ дѣятелей Русскихъ студенческихъ организацій, жанровыя картины въ краскахъ, каррикатуры. Если въ продолженіе 1914 года «Вешнія Воды» твердо стануть на-ноги и пріобрѣтутъ извѣстный, широкій кругъ читателей, то въ слѣдующемъ 1915 году, нашъ Сборникъ будетъ выходить правильно, періодически, въ видѣ ежемѣсячнаго журнала съ литературно-художественными приложеніями.

«Вешнія Воды»—первое независимое Русское студенческое печатное слово—внѣ всякихъ тенденцій, внѣ всякаго политиканства. Свободно, широко, смѣло мы понесемъ молодую Русскую мысль въ пеструю, шумную среду студенчества, въ глубинѣ своей все еще глубоко преданную Великой Россіи,—а за ней, Богъ дастъ, и въ Русское общество, и въ толщу народную...

Итакъ, въ добрый часъ!

Усталъ я видѣть честь—поверженной во врахъ,
Заслугу—въ рубищѣ, свободу—искаженной,
И бѣдность съ шутовской усмѣшкой на губахъ...
Глупцовъ, гордящихся лавровыми вѣнками,
Опальныхъ мудрецовъ, носящихъ скорбь въ тиши—
Высокій даръ небесъ, осмѣянный слѣпцами,
И силу, мертвую отъ немощей души...

Маленькая исторія одного маленькаго кружка.

(Изъ воспоминаній).

Какъ сейчасъ помню это бурное засѣданіе въ февралѣ 1913 года... Образовалось двѣ партіи, безпощадныя, непримиримыя, совершенно чуждыя другъ другу. Одна партія, слабая количествомъ своихъ членовъ, но сильная своей стойкой идейностью и энергіей, сгруппировалась вокругъ виднаго студента N. и его друзей, другая партія, безпокойная, шумная, характерна была своими темными интригами, которыя буквально парализовали какую бы то ни было дѣятельность нашей организаціи. Я не буду называть по фамиліямъ „лидеровъ“ этой послѣдней партіи. Не хочу разрывать благополучно догнивающую кучу флюгаретвующей братіи. Одни изъ нихъ уже „служать“, другіе спились, третьи разсосались окружающею обще-студенческой средой, четвертые успѣли за это время либо—обезличиться, либо „перекраситься“, и нынѣ довольно успѣшно разсыпаются мелкимъ бѣсомъ передъ своими бывшими, нынѣ вліятельными соперниками. Sic transit gloria mundi! Оставимъ ихъ въ состояніи блаженнаго покоя.

Итакъ „энцы“, дорожа существованіемъ организаціи, ея авторитетомъ и исключительнымъ положеніемъ въ средѣ студенчества, мобилизовали всѣ свои силы, всю свою энергію, чтобъ сломить интригующихъ и тѣмъ открыть себѣ широкую дорогу для спокойной, плодотворной дѣятельности. Надо при этомъ замѣтить, что партія эта въ октябрѣ 1912 года потеряла своего вдохновителя и вождя—N. Послѣдній, подъ тяжестью довольно некрасивыхъ интригъ г-дѣ флюгаретвую-

щихъ, принужденъ былъ осенью 1912 г. покинуть наши ряды, сложивъ свои полномочія предсѣдателя. Правда, Н. никогда фактически не порывалъ связи съ нами, но его юридическое, боевое положеніе на засѣданіяхъ прекратилось. Тяжело было безъ него вести „свою линію. „Врагъ“ былъ силенъ, хитеръ и... неразборчивъ въ средствахъ. Только одного ему не доставало—идейности, той стихійной силы, которая въ гранитную скалу спаиваетъ горсточку людей, и о которую всегда безнадежно разбиваются плохо сплеенныя толпы злыхъ, но трусливыхъ враговъ. Это и спасло нашу организацію.

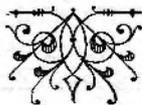
Выбравшись на свѣтлый путь труда, Союзъ Русскихъ Студентовъ все на томъ же чрезвычайномъ Общемъ Собраніи (отъ 3-го февраля) учредилъ при себѣ Научно-Литературно-Художественный Кругокъ, который быстро повелъ свою дѣятельность по широкому масштабу и, за весьма короткое время своего существованія, завоевалъ прочное положеніе въ жизни.

Ряды Кругка съ первыхъ же дней его существованія стали разрастаться. Въ концу отчетнаго года число сочувствующихъ членовъ приближалось къ 200. На открытыхъ Общихъ Собраніяхъ Кругка нерѣдко присутствовало 700—800 человекъ. Что же касается провинціальной Россіи, то и она, какъ бы почувствовавъ новую зарождающуюся культурную силу въ станѣ Русскаго студенчества, громкимъ эхомъ сочувственно откликнулась на развивающуюся дѣятельность нашей организаціи. Этихъ писемъ нами получено очень много, — въ недалекомъ будущемъ часть ихъ, наиболѣе характерная, наиболѣе чуткая, отчетливо подчеркнувшая свое то или другое отношеніе къ нашему Кругку, будетъ издана отдѣльной брошюрой.

Можетъ быть читатель поинтересуется и спроситъ: да откуда же черпались необходимыя суммы на покрытіе такихъ расходовъ, какъ, напр., на устройство открытыхъ Собраній, на печатаніе различнаго рода бланковъ, повѣстокъ, уставовъ, правилъ, почтовые расходы, канцелярскіе и проч. Отвѣтъ очень простъ — изъ членскихъ взносовъ и частныхъ пожертвованій; причемъ послѣдніе никогда не превышали 3—5 рублей. Изъ денежныхъ отчетовъ казначея кругка, читатель увидитъ, съ какими прямо ничтожными суммами имѣла дѣло наша организація и какъ это не помѣшало

ей развиться широко, стройно, прочно. Правда, мы не имѣли и, слава Богу, до сихъ поръ не имѣемъ блестящихъ апартаментовъ, съ биллардами, буфетомъ и „запасными комнатами“, но за то мы дышали *какъ* хотѣли и *гдѣ* хотѣли. Наша дѣятельность текла и нынѣ течетъ по широкому, гладкому руслу, течетъ безъ всякихъ помѣхъ, безъ всякихъ указокъ, безъ всякихъ давленій, — самостоятельно, привольно, властно, можетъ быть, даже дерзко, — отдавая отчетъ за содѣянное лишь одному Богу. И намъ не стыдно оглянуться на пройденный путь! Пусть были ошибки, промахи, это не мѣшало намъ идти трудовою дорогою, посвящая все свое время исключительно развитію самодѣятельности.

Мих. Спасовскій.

A propos.

За короткое время своего существования. Кружок сумѣлъ себя зарекомендовать настолько, что привлечь вниманіе учащагося міра, главнымъ образомъ, своей работоспособностью и серьезностью. Президіумъ Кружка, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, старается возможно шире раскинуть плодотворную научно-литературную дѣятельность организаціи. Съ этой цѣлью раза два въ мѣсяць устраиваются открытыя общія собранія, на коихъ могутъ присутствовать всѣ интересующіеся и сочувствующіе развитію національнаго Русскаго творчества. Входъ на подобнаго рода собранія допускается лишь по билетамъ, которые можно получить: у предсѣдателя Кружка—М. М. Спасовскаго (8-я Рождеств., 41), у секретаря—Н. П. Навалихина (В. О. 5 линія, 44) и у казначея—В. О. Игнатовича (Пет. стор., Успенскій, 7). При Кружкѣ учреждена библіотека; пожертвованія книгъ, нотъ, рукописей, картинъ и пр. принимаются у предсѣдателя и секретаря Кружка.

Въ московской газетѣ „Голось Русскаго“ № 11 (308) отъ 19-марта 1913 года читаемъ о нашей организаціи нижеслѣдующее: „Наказъ Кружка представляетъ большой интересъ—онъ наглядно характеризуетъ планы, намѣренія и размахъ возстановленной Русской студенческой организаціи. Такъ, первый параграфъ гласитъ: „Научно-Литературно-Художественный Кружокъ Русскихъ Студентовъ имѣетъ цѣлью: а) содѣйствовать пробужденію и развитію, преимущественно среди учащихся высшихъ учебныхъ заведеній, интереса и любви къ Русскому національному литератур-

но-художественному творчеству на почвѣ сознанія Русской національной гордости; б) способствовать ознакомленію съ основными теченіями въ исторіи Русской литературы, живописи, музыки, въ исторіи Русскаго театра, зодчества, ваянія; в) воспитывать сознаніе необходимости упорно работать для развитія Русской классической художественной литературы; г) объединять своихъ членовъ въ дружной, созидательной работѣ въ области развитія живого интереса и любви къ Русскому, истинно-художественному, литературному творчеству; д) готовить достойныхъ защитниковъ глубоко-національнаго творчества и преданныхъ Родинѣ работниковъ на поприщѣ научно-литературной дѣятельности». Какъ видно, составители этого широкаго, хорошо обработаннаго устава руководствовались благою идеей—возможно живѣе захватить интересъ учащагося міра, вывести этотъ міръ изъ трясины бездушнаго декадентства на богатую, свѣтлую, дорогу познанія національнаго, роднаго творчества, нынѣ забытаго архивульгарными «исканіями» неразборчивыхъ «пророковъ» нашихъ дней. Желая раскинуть свою дѣятельность возможно шире и привлечь въ свои ряды молодыхъ Русскія литературныя силы, Кружокъ рѣшилъ устраивать открытыя Собранія, на коихъ могутъ присутствовать какъ дѣйствительные и почетные члены Кружка, такъ и сочувствующіе, затѣмъ гости (по рекомендаціи) и представители печати. Руководители намѣрены, какъ только окрѣпнетъ Кружокъ и наберется достаточно силъ, еще шире развернуть свою дѣятельность устройствомъ спектаклей и изданіемъ брошюръ собственныхъ авторовъ. Намъ только остается привѣтствовать Петербургскихъ студентовъ и пожелать имъ прочнаго успѣха въ начатомъ дѣлѣ».

Со слѣдующаго Сборника начнетъ печататься большой романъ студента Вяч. Игнатовича—„Двѣ Волны“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Идеалъ.

Люби весь міръ съ его природой
И жизнь съ печалью и невзгодой.
Люби всѣхъ ближнихъ, всѣхъ людей
И, горячо любя друзей,
Прощай враговъ, не презирая.
Твори добро не разбирая,
Достойны люди или нѣтъ,—
Вноси съ собой повсюду свѣтъ,
Отраду, ласку и участие.
Другимъ принесть стараясь счастья,
Другихъ лишь пламенно любя,
Забудь, совсѣмъ забудь себя,—
И тайна жизни предъ тобою
Раскроется сама собою,
И для прозрѣвшаго ума
Разсѣется повсюду тьма.
Но этотъ путь не многолюденъ,
Онъ не блестящъ, тернистъ и труденъ,
На немъ дѣла малы, просты
И не манятъ ни чьей мечты;
По немъ идутъ не для забавы,
Тамъ нѣтъ ни почестей, ни славы,
Его подвижникъ—не герой,
Въ толпѣ проходитъ онъ порой
Одной насмѣшкой злою встрѣченъ,
Порою вовсе не замѣченъ,—
Но чистъ одинъ лишь этотъ путь,
А не другой какой-нибудь.

Н. Б.

II.

Х о д о к и.

Изъ прошлаго.

...За тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ...

Когда, гдѣ и кто именно первый съ нахмуреннымъ челомъ, съ готовымъ разорваться отъ горя и обиды сердцемъ, высказалъ мысль, мгновенно охватившую всѣхъ,—никто не зналъ...

Всѣмъ было тяжело, у всѣхъ стискивались зубы отъ негодованія, всѣ истерзанной душой съ мучительной, жгучей болью чувствовали каждую обиду зазнавагося, предательски опутавшаго всю страну, чуждаго по духу и вѣрѣ Хама,—чувствовали каждый ударъ ненавистныхъ новыхъ порядковъ по слитой общимъ горемъ въ одинъ кусокъ стали, народной гордости,—каждый ударъ по протянувшейся черезъ всѣ оскорбленныя, трепещущія негодованіемъ сердца серебряной струнѣ ясно, до боли сознанаго національнаго чувства.

То, что было сказано—было выстрадано всѣми,—молча, сосредоточенно, тяжело.

Это была простая мысль простыхъ, сильныхъ тѣломъ и духомъ людей, спаянныхъ общимъ горемъ,—такая же простая, какъ и слова, короткія, ясныя, простыя, въ которыхъ она, эта мысль, выразилась:

„Пойдемъ къ Нему,—скажемъ все.. все..“

И... сразу—будто легче стало!..

Онъ не знаетъ. Отъ Него скрыли измѣну... Но Онъ нашъ!

Онъ нашъ, этотъ безконечно добрый, могучій силою преданнаго Ему, великаго, страдающаго народа,—радующійся его счастьемъ, тоскующій его печалью, нашъ Синееокій Князь, по мановенію бровей Котораго народъ дрогнетъ и однимъ движеніемъ могучей руки, однимъ вздохомъ милліона грудей сдвинетъ съ мѣста горы...

Онъ—нашъ!..

Если бы хоть на мгновеніе Его кристальная душа почувала ту бездонную глубину страданій, которая охватила и давить сердце Его народа,—о, тогда вмѣсто мягкихъ лучей милосердія и доброты—тысячами обжигающихъ молній засверкали бы Его дивныя синія очи, и затрепетали бы сердца народныхъ обидчиковъ!

Онъ не знаетъ.. Пойдемъ—скажемъ Ему все.. все...

У стариковъ, знавшихъ обычай княжого двора, зарождалась тяжелая дума:

„Не дозволятъ сказать!“

Но тутъ же навстрѣчу этой угнетающей мысли вихремъ неслись сотни другихъ и обращали ее въ пепель:

„Только увидѣть!! Его ясныя очи проникнуть въ душу и все разглядятъ тамъ. Только бѣ увидѣть!..“

.....
Какъ дрожали сердца ходоковъ, когда подъ первыми радостными лучами солнышка засверкали вдали маковки храмовъ стариннаго стольнаго града—видѣлъ лишь Тотъ, Кто съ высокаго неба любящимъ взоромъ глядѣлъ въ ихъ смятенныя души..

У высокихъ стѣнъ княжого терема остановились они и стали терпѣливо ждать, страдая каждой минутой ожиданья..

Глядя въ простыя, печальныя лица пришедшихъ, воеводы Князя съ тревогой пытали: „Зачѣмъ пришли? Что хотите сказать? Что вамъ надо?“

И слышали все одинъ и тотъ же печальный отвѣтъ:

„Поклониться“...

Чуяли смутно обидчики, что не къ добру пришли ходоки, — что близко гроза, но... провѣдалъ Князь о пришедшихъ и срокъ имъ назначилъ.

И тогда старѣйшій, главный изъ воеводъ, отдалъ жестокий приказъ: молча поклонъ положить, молча прослушать, что скажетъ Князь, и... молча уйти.

И — дивно! — бѣль сердца была столь тяжка, что новая рана была почти незамѣтна...

Наконецъ, насталъ желанный, страшный день...

Помолясь Богу, какъ въ церкви, стояли они, ожидая..

Тяжело, сильно стучало сердце, и слышны были его короткіе, глухіе удары; не отрываясь, молча смотрѣли ходоки на тѣ двери, откуда выйдетъ Князь...

Что они думали? Что творилось въ томительно-страждущихъ душахъ?.. Могли ли они говорить? Достанетъ ли силъ у нихъ, чтобы высказать то, зачѣмъ пришли?!

Тотъ, что отдалъ приказъ молчать — напрасно тревожилъ себя: развѣ могли у людей найтись слова, чтобы выразить то горе, которое ходоки, собравъ его все цѣликомъ съ залитыхъ скорбью полей, изъ селъ, разоренныхъ измѣной, — принесли въ своихъ сердцахъ Синеокому Князю?!

Двери раскрылись и Онъ вошелъ ..

Да... Это — Онъ!..

Это Его обожаемый ликъ. Его дивныя синія очи съ привѣтомъ глядятъ на пришедшихъ.

Глубокимъ земнымъ поклономъ встрѣтили они своего Синеокаго Князя...

Властнымъ, тихимъ словомъ приказалъ Онъ имъ встать.

И вотъ, ихъ глаза встрѣтились съ проникновеннымъ взглядомъ Того, въ Комъ соединились все ихъ надежды, вся ихъ безграничная любовь, ихъ беззавѣтная вѣрность... И въ ихъ глазахъ прочелъ, какъ въ раскрытой книгѣ, Князь все, чѣмъ жилъ, чѣмъ мучился, и чѣмъ еще дышалъ его вѣрный, могучій страсто-

терпецъ—народъ; прочелъ то, чему нѣтъ названья на человѣчскомъ языкѣ; все, чего боялись продажныя души Его воеводъ; увидѣлъ бездонную глубину народнаго горя, безысходную тоску людей, опутанныхъ предательской сѣтью измѣны, прочелъ ихъ любовь къ Нему, прочелъ ихъ сомнѣнья, прочелъ и... *затлажалъ!*..

И опустили гордыя головы свои воеводы, а ходоки съ просвѣтлѣвшими лицами, по которымъ какъ жемчугъ слезы катились,—чувяли, какъ въ душахъ у нихъ счастье дрожало и звономъ пасхальнымъ, малиновымъ звономъ гремѣло: „Онъ—нашъ!! Онъ нашъ, какъ и прежде, нашъ Князь Синеокій“!!

Вздрогнувъ Князь, провелъ рукой по челу, взялъ одного ходока и увелъ за собою въ теремъ, а когда вскорѣ вышелъ ходокъ, то всѣ вмѣстѣ они молча прошли мимо княжскихъ вельможъ и въ тотъ же день ушли домой...

И въ тотъ же день райской музыкой понеслась по народу вѣсть:

„Князь—нашъ, какъ и встарь... Надѣется. Вѣритъ. Когда приспѣетъ часъ—*позоветь*...“

Прошелъ годъ.

Годъ суровыхъ испытаній, крови и слезъ...

Все ближе къ землѣ клонились головы, все рѣже разглаживались морщины на лбу...

Все горячѣ неслись молитвы, гдѣ уже не было словъ, а только искривленные тоской и горемъ лица, да горящія пламенной вѣрой глаза говорили къ Богу...

И вотъ... будто шелестъ листьевъ по необъятному таѣжному лѣсу—пронеслось по народу вѣще слово...

На площади стольнаго града столпились бояре, придворная знать, воеводы... Съ тревогой глядѣли они на югъ, а съ юга медленно, грозно, полъ-неба обнявъ, черная туча ползла..

По краямъ ея яркимъ огнемъ трепетали зарницы ..
Вѣтеръ злобѣще гудѣлъ по деревьямъ... Вотъ онъ рванулъ...
Заревѣлъ...

Ужась холодной струею пронолзъ по сердцамъ...
Вдругъ кто-то изъ ближнихъ бояръ на княжій теремъ взгля-
нулъ, — вскрикнулъ и замеръ... Всѣ оглянулись...

На крыльцѣ стоялъ Князь...
Шеломъ на главѣ... На груди — боевая кольчуга... Въ рукѣ
Его мечъ-кладенецъ...

Съ привѣтомъ глядитъ Онъ на тучу... Глаза его молнии
мечуть...

А тамъ, гдѣ огненный вихрь исполинскимъ могучимъ дыха-
ніемъ путь себѣ очищаль, — какъ грома раскаты, восторженный
кличъ раздается:

— „На помощь къ Нему!! Онъ — нашъ, какъ и встарь —
нашъ Князь Синеокіи“!!.

Студентъ Н. Полтавецъ.

* * *

Есть души, какъ грозди сирени—
Душисты, красивы, нѣжны;
Ихъ скорби—скользяція тѣни,
Ихъ радости—зыбкіе сны!

Есть души, какъ синее море,
Какъ ширь необъятныхъ степей,
Есть души, какъ алая зори
Въ мерцаньи стыдливыхъ лучей.

Есть души на крыльяхъ мечтаній,—
Они отъ всего далеки,
Есть души сильнѣе желаній,
Есть души сильнѣе тоски!

Имъ греза важнѣй достиженій,
Ихъ взгляды—улыбки весны,—
Ихъ счастье—зарницы мгновеній,
Волшебныя сказки... и сны!..

Студентъ А. В. Жуковскій.

Война и человечество. *)

Естественное—разумно.

Двѣ тысячи триста слишкомъ лѣтъ тому назадъ величайшій мыслитель міра, Платонъ, училъ, что война есть естественное состояніе народовъ. Тысячу шестьсотъ лѣтъ спустя другой мыслитель, начала XIX ст., Іеремія Бентамъ, выставилъ иную точку зрѣнія на этотъ вопросъ, говоря, что война есть величайшее бѣдствіе. Французъ Пьеръ-Клодъ-Викторъ Буатсъ, писатель тоже начала XIX ст., въ принципѣ одинаково съ Бентамомъ смотритъ на войну, понимая ее, какъ процессъ, который разоряетъ даже тѣхъ, кто его выигрываетъ.

За каждымъ великимъ стоитъ авторитетъ ума и популярности. Кому вѣрить? Передъ кѣмъ преклониться? Кто ближе всѣхъ къ истинѣ? Всѣ—человѣки и, слѣдовательно, всѣ могутъ ошибаться.

Создается заколдованный кругъ.

Съ одной стороны бросаютъ тяжкіе упреки завоевательной политикѣ народовъ и, указывая на идеалъ человечества—миръ всего міра, къ которому послѣднее должно стремиться вѣчно и непреклонно, проповѣдуютъ всеобщее разоруженіе: мечомъ и огнемъ не добьешься царствія Божія! Съ другой стороны, среди неяснаго, гулкого шума, мѣрно, ударъ за ударомъ, гремятъ чудовищные молоты, и исполинскіе краны, эти страшныя по своей силѣ руки легендарныхъ титановъ, хладнокровно, не торопясь, переворачиваютъ, перемѣ-

*) (Этюдъ, читанный на открытомъ собраніи Научно-Литературнаго Кружка Русскихъ Студентовъ).

щаютъ, поднимаютъ и опускаютъ какія-то длинныя, блестяшія жерла, толстыя кованныя брони: здѣсь священнодѣйствуютъ. Служители земли изъ-за общаго шума, бряцанія не слышатъ служителей красивыхъ идеаловъ и грезъ. Да и некогда...

* * *

Шарль Монтескье, одинъ изъ выдающихся энциклопедистовъ просвѣщеннаго Запада, своей теоріей занимаетъ какъ бы среднее положеніе между Платономъ и Бентамомъ.

Существуетъ только два вида справедливыхъ войнъ,—говоритъ Монтескье,—когда люди сражаются, чтобы отразить нападеніе врага, или когда идутъ на помощь союзнику, находящемуся въ опасности.

Отражать нападающаго—естественно. Притти на помощь—должно.

* * *

Война—величайшее бѣдствіе.

Война—естественное состояніе народовъ.

Отсюда,—величайшія бѣдствія не есть ли естественное состояніе народовъ,—народовъ, а не человѣчества?..

* * *

Заучить почтенный по объему своему лексиконъ красивыхъ, гладкихъ фразъ о преступности войны и горячо благодарить Всевышняго за то, что мы живемъ въ наше мирное торговое время и можемъ не безъ успѣха всю нашу мысль и энергію посвящать взаимному ограбленію и надувательству,—легко и модно, но въ жизни не примѣнимо, даже если бы на земномъ шарѣ были народы только единой расы.

Народы, какъ облака на ясномъ небѣ, вѣчно мѣняютъ свой обликъ, формы, часто подвержены вліянію извнѣ. Народы—пачка конфетти, брошенная въ залѣ среди танцующихъ: въ разныя стороны летятъ разноцвѣтныя...

Вотъ почему вражда между народами—ихъ естественное и, по своему, разумное состояніе.

Студентъ Мих. Спосовскіи.

Въ защиту поэзіи.

Стихъ сверкающій, звенящій,
Всѣми красками горящій,
Нить жемчужная изъ словъ,
Ты — созданье грезъ волшебныхъ,
Отголосокъ струнъ душевныхъ,
Отголосокъ вѣщихъ сновъ.
То, что греза рассказала,
То, что роца нашептала,
Что открылъ морской прибой,
Жизни тайны міровыя,
Грезы сердца молодыя,
Облекаешь ты собой.
Этотъ говоръ музыкальный,
То веселый, то печальный,
Словно струнный переборъ,
Душу нѣжитъ и чаруетъ,
Сердце чуткое волнуетъ,
Какъ волшебный наговоръ.
Въ годы древности сѣдые
И преданья міровыя,
И сказанія отцовъ
Замыкались въ стихъ пѣвучій
Въ стройномъ рокотѣ созвучій,
Въ сочетаньяхъ мѣрныхъ словъ.

Чаръ волшебныхъ наговоры
Облекались въ переборы
Звонко-блещущихъ стиховъ
И таинственною силой
Чародѣйской надѣлило
Ихъ преданіе вѣковъ.
Вейнемейненъ вѣщій, старый
Поэтической чарой
Всю природу создаетъ;
И словамъ его внимаетъ
Все, что землю населяетъ
И просторъ безбрежный водъ.
Былъ жрецомъ и чародѣемъ,
Слова чарами владѣя,
Вѣщій древности поэтъ,
Онъ ковалъ свой стихъ пѣвучій,
Какъ кузнецъ колдунъ могучій
Свой волшебный мечъ куетъ.

Въ годы древности когда-то
Стихъ звучалъ, какъ громъ булата,
Грозной чарой вѣщихъ словъ
Подымалъ, гремя, народы;
И за славу и свободу
Края милаго отцовъ
Въ битвахъ древности сначала
Пѣсня грозная звучала,
А потомъ мечей ударъ.
И поэзіи созданья
Предковъ славныя дѣянья
Сохранили силой чаръ
Отъ грядущаго забвенья
Для иного поколѣнья, —
Для народовъ и вѣковъ.
И герои міровые
Сохранились, какъ живые.
Чародѣйской силой словъ.

Въ пору Ветхаго Завѣта
Въ словѣ пламенномъ поэта
Божье слово возстаетъ;
Былъ пророкомъ вдохновеннымъ,
Божимъ свѣтомъ озареннымъ
Мощный древности поэтъ.
И поэтъ, какъ вождь народный,
Словомъ истины свободной
Велъ народы за собой.
Все поэту открывалось,
Передъ нимъ приподымалась
Завѣсь тайны міровой.
И его могучій геній —
Выше міра заблужденій —
И пристрастій выше былъ.
И завѣты міровые,
И мечты души святыя
Онъ въ созвучьяхъ воплотилъ.
Все, что свято и высоко,
Что въ душѣ людей глубоко
Свѣтитъ Божимъ огнемъ, —
Все въ словахъ его звучало;
Стихъ его не оскверняло
Преклоненъе передъ зломъ.
А теперь, о Боже Правый! —
Сынъ безвѣрія, лукавый,
Даръ Господень омрачилъ;
Все звучитъ и зломъ, и ложью,
И забыта, словомъ Божимъ
Отгремѣвшая, псалтирь.
И поэтъ, — что выше вѣка,
Заблужденій человѣка,
Выше общества стоялъ,
Самъ дороги міровыя,
Людямъ правые, святыя
Идеалы открывалъ, —

Топчетъ въ грязь свое призванье;
Свѣтлой истины сіянье
Ложью низкою чернитъ;
Передъ зломъ, порокомъ міра—
Совѣсть, честь его и лира,
Рабоуѣпствуя, лежатъ.
Для минутнаго успѣха,
Грубой черни на потѣху
Искажаетъ Божій даръ,
Свѣточъ правды затмеваетъ
И—коварно разжигаетъ
Злобы яростной пожаръ.
Вождь народный и учитель
Сталъ—униженный служитель
Черни бѣшеной грѣховъ.
Въ грязь затоптаны завѣты—
И добра, и правды, свѣта,—
И преданія отцовъ.

Стихъ поэта благородный,
Голосъ истины свободной,—
Голосъ свѣта заглушилъ
Гаеръ уличный, безумный—
Изступленный хохотъ шумный
Сатанинскихъ темныхъ силъ.
Смолкнулъ вѣщій гласъ пророка...
—Гдѣ неправды и порока
Неподкупный судія?
Замѣнилъ его повсюду
Шутъ продажный и іуда,
Злобой къ истинѣ горя.

Даже самый стихъ звенящій,
Свѣтомъ внутреннимъ горящій.
Оболочка вѣчныхъ словъ,
Обратился въ бредъ безумный,
Въ крикъ неистовый и шумный,
Въ пересказъ кошмарныхъ сновъ.

Гдѣ гармонія звучала,
Тамъ, гдѣ стройно отвѣчало
Блескомъ солнца самого
Духу свѣтлаго созданья
Словъ пѣвучихъ обаянье,
Облекающихъ его,—
Воздухъ праздно разсѣкая,
Пустоту души скрывая,
Словъ безсмысленный наборъ
Сумасшедшимъ бредомъ дышитъ,
Самъ собою властно пишетъ
Ихъ творившимъ приговоръ.

Прочь, подложные поэты!
Прочь, враги добра и свѣта!
Не для васъ небесный даръ!
Ваша—тьмы и зла дорога,
И во вѣки свѣточъ Бога
Вамъ души не озарялъ.
Даръ поэзіи священный—
Вѣчной правдой озаренный,
Отблескъ неба на землѣ—
Не для вашихъ рукъ кровавыхъ,
Не для вашихъ душъ лукавыхъ.
Погрузившихся во злѣ;
Въ немъ сіяетъ въ краскахъ вѣчныхъ
Силъ сокровище сердечныхъ,
Чѣмъ душа людей свѣтла.
Даръ священный пѣснопѣнья
Далъ Господь не для радѣнья
Передъ духомъ тьмы и зла!..

Но уже недолго, знаемъ,
Будетъ въ прахъ понижаемъ
Онъ толпою торгашей:—
Свѣта вѣчные законы,
Правды свѣтлыя знамена
Лжи неистовой сильнѣй.

И грядущіе поэты,—
Дѣти истины и свѣта,
Ихъ подымутъ наконецъ
Изъ безвременной могилы,—
Только витязю подь силу
Богатырскій кладенець!

В. Прохоровичъ.

МЫСЛИ.

Въ началѣ добраго есть конецъ злого.

* * *

Въ началѣ жизни есть конецъ смерти.

* * *

Въ началѣ горя есть начало истинной жизни.

* * *

Въ началѣ страданья есть начало истиннаго чувства.

* * *

Въ концѣ любви есть конецъ страданья.

* * *

Въ концѣ жизни есть конецъ любви.

Студентъ

Рул. Ашатовичъ

Н а б о р щ и к ъ

Н е ч а е в ъ.

Разказъ Студента Н. Полтавца.

Наборщикъ Нечаевъ.

Когда Андрей Нечаевъ, нахмуренный и злой, поднялся по винтовой лѣстницѣ въ наборную и, не глядя на товарищей, наклонился надъ кассой—было уже девять часовъ. Въ ушахъ наборщика еще раздавался тихій, внушительный голосъ управляющаго, на сердцѣ было тяжело, голову ломило, во рту послѣ вчерашняго чувствовалась горечь и противный вкусъ луку и скверной, ржавой селедки.

— Я, голубь, самъ корпусъ въ наборной одиннадцать лѣтъ и прогулу у меня одиннадцати минутъ не бывало,—тихо говорилъ управляющій Андрею, глядя ему въ лицо серьезными темными глазами, — работу твою я Кишкину велѣлъ отдать, потому что—срочная, значить четыре цѣлковыхъ, считай, ты ему самъ подарилъ... А серьезное дѣло тебѣ давать ужъ теперь постерегусь,—подведешь!.. Ступай.

— И ничего не скажешь... Дѣло чистое!—прошепталъ Андрей, привычнымъ движеніемъ руки скидывая „корпусъ“ въ длинную „верстатку“, изрѣдка взмахивая головой, чтобы откинуть прядь густыхъ непокорныхъ волосъ, лѣзшихъ на глаза...

— Проѣхало?—будто про себя спросилъ сосѣдь слѣва, мелькомъ кинувъ взглядомъ на Андрея.

— Проѣхало...—Андрей еще больше насупился и раздраженіе на вчерашнее усилилось...

Мысли перегоняли одна другую, кружась возлѣ главной причины, выбившей изъ привычной трудовой колеи; сердце ныло и за-

мирало по временамъ отъ сладкой, острой боли, когда передъ глазами выплывали картины веселой ночи... Андрей искося глянулъ вправо, и сразу точно кипиткомъ его опшарило, когда глаза его встрѣтили кристальный, внимательный взглядъ „товарища“ по работѣ,—высокой, статной женщины, чуть наклонившейся надъ кассой у противоположной стѣны наборной.

Она стояла спиной и, красиво повернувъ голову, немного изогнувшись, точно спрашивала Андрея тревожнымъ взглядомъ — чѣмъ кончился непріятный разговоръ съ управляющимъ...

Ничего не отвѣтилъ наборщикъ на этотъ взглядъ, быстро опустилъ глаза и еще быстрѣе заходила рука по квадратикамъ кассы, выхватывая нужныя буквы...

— Все изъ-за этой пакости, — прошепталъ Андрей: — понаставили васъ, длинноволосыхъ, на наше горе! И тутъ же неумолимый разсудокъ заставилъ его ругнуть себя за глупыя слова:

— Причемъ онѣ? Выгодно большой столичной, прекрасно оборудованной типографіи нанимать наборщицъ — и нанимаетъ; — плата денежле, работаютъ сносно. А кому взбрѣдетъ въ банку дурить съ бабой — небось — и на сторонѣ отыщеть!..

Положимъ, въ томъ губернскомъ городѣ, гдѣ Андрей оставилъ жену и трехлѣтнюю дочку, пока удастся хорошо наладиться съ работой въ Москвѣ — другіе порядки были, — меньше соблазну и нарядъ какъ будто степеннѣй да здоровѣй, ну и тутъ, въ столицѣ — надо правду сказать — много хорошаго: и плата больше; и помѣщеніе чудесное и обхожденіе иное, — знай, работай, да не загуливай!..

Андрей вздохнулъ при мысли, что и пристроился онъ ладно, и квартирку снялъ за Крестовской самую подходящую, и деньжонокъ прикопилъ за три мѣсяца — женѣ на проѣздъ, да вотъ — оттягиваетъ, да оттягиваетъ. Располагалъ къ Святой выписать семью къ себѣ, а вотъ ужъ третью недѣлю тянетъ; черезъ девять дней страстная недѣля, — ежели завтра не послать деньги — Андрей точно рассчиталъ — то женѣ съ дочкой пріѣхать къ Свѣтлому празднику ужъ не поспѣтъ: пока деньги дойдутъ, да пока доѣдешь, — сборы, то да се...

Хоть, сказать по душѣ, ни разу еще такъ не захватывало Андрея, какъ въ этотъ разъ! Бывали исторіи — да все больше «такъ», мимоходомъ, и двухъ дней, глядишь, не прошло — съ глазъ долой

и изъ души—къ лѣшему! Жена такъ и говорила: «что-жь,—покрутится, покрутится, а тамъ все—мой! А что бабы да дѣвки льнутъ—на то и красавецъ»... Чуялъ Андрей, что болѣло сердце у жены, даромъ, что молчала—ни попрека тебѣ, жалобы; а все-таки нѣтъ нѣтъ, да и сорвется—«хоть походя, а грѣшишь»!..

Положимъ—случай особенный, да и на диво хороша попалась! И опять кольнуло въ сердце Андрея...

— Смышленная баба! И любить, какъ будто, безъ обману, и въ руки, тебѣ, не дается; а что „товарищъ“—что и говорить, лучше не сыскать: и газеты читаетъ и поговорить о чемъ угодно, и умна—всему толкъ дать, любую бѣду руками разведетъ!..

Странно, что только двѣ недѣли, какъ познакомился Андрей съ нею, а ужъ все сразу наладилось. Два раза шелъ изъ типографіи домой вмѣстѣ,—разъ прямо съ работы чай пить зашелъ,—сама позвала; обо всемъ разспросила,—ласково, внимательно; пожалѣла объ ихней темпотѣ, бѣдности, а когда Андрей разговорился и пожаловался, что нѣтъ у него такого челоуѣка, чтобы душу ему открыть, да свои мысли выложить,—мягко и осторожно заговорила о женѣ, о томъ, какая она для мужа должна быть понятливая, участливая, да толковая...

И когда шелъ Нечаевъ домой, лицо его горѣло, сердце сильно стучало, а въ головѣ впервой за четыре года завертѣлись мысли о томъ, какое счастье жить вмѣстѣ съ такой красивой, умной, душевной женщиной и какъ тускло и неинтересно прожилъ онъ четыре года со своей Настей—тихой, спокойной, простой, но совсѣмъ неразвитой и, какъ теперь ему думалось, неподходящей для него женой... Вспомнились ему недочеты въ ихъ маленькомъ хозяйствѣ, промахи и недостатки жены,—ея робкій взглядъ и скромная походка, а главное—ея тихость, ея покорность...

— И приласкать то по настоящему не умѣетъ!..—думалъ Андрей, вспоминая угловатую манеру жены держаться, ея улыбку и смущенные глаза, когда—не часто—ласкалъ онъ ее, всегда робѣющую и стыдливую...

А вчера почти совсѣмъ рѣшилось дѣло,—сама Серафима—Серафима Павловна, или „Сима“, какъ уже въ мысляхъ называлъ ее Нечаевъ,—когда разошлась компанія по домамъ, и Андрей, дер-

жа на колѣняхъ ее, поблѣднѣвшую, съ горящими изъ-подъ пушистыхъ бровей глазами, спросилъ тихо,—какъ быть съ семьей,— отвѣтила:

— Заработаемъ, небось, имъ на харчи вдвоемъ-то... посылать будешь...

Только когда, облегченно вздохнувъ отъ такого простого и яснаго рѣшенія мучительнаго вопроса о женѣ, Андрей любовно взглянулъ ей въ лицо и, затрепетавъ отъ томительной боли въ сердцѣ, сжалъ ее своими желѣзными руками, Серафима нахмурилась, глаза ея сразу потухли и она спокойно, просто и холодно сказала:

— Идите домой, Андрей Степанычъ.

И теперь, наклонясь надъ кассой и взглядывая по временамъ на пышные волосы Сима, закрученные золотистымъ узломъ на затылкѣ, на ея круглыя плечи и стройный, сильный станъ, перетянутый ременнымъ кушакомъ, Андрей чувствовалъ, что раздраженіе на вчерашній однодневный прогулъ падаетъ, и что важно ему и дорого только—какъ и что думаетъ о немъ Серафима...

Изъ типографіи они вышли вмѣстѣ и до самой квартиры наборщицы, гдѣ рѣшили пить чай, не перекинулись ни однимъ словомъ. Войдя въ комнату и сбросивъ шапочку и шубку, Серафима поправила прическу, быстро подойдя къ Андрею, обняла его за шею рукой и, прильнувъ, ласково посмотрѣла ему въ глаза и тихо спросила:

— Ну, что?

Андрей поднялъ голову, виновато улыбнулся и также тихо отвѣтилъ:

— Опять къ вамъ поцалъ...

— Къ *вамъ*?—переспросила Сима, слегка нахмурилась.

— Ну—къ тебѣ!..—И сразу опять задрожало и заняло у него въ сердцѣ...

Черезъ полчаса они сидѣли за столомъ и пили чай. Серафима, передѣвшись и умывшись за перегородкой—съ волосами, заплетенными въ двѣ толстыя, золотистыя косы, въ розовой просторной блузкѣ съ открытой шеей,—какъ и вчера, внимательно

смотрѣла на Андрея, и весело было ему и радостно думать, что такъ они будутъ вмѣстѣ каждый день, *всегда...*

— Только вотъ музыка какая,—говорилъ Андрей,—завтра утромъ либо деньги *имѣ* на проѣздъ до Москвы, либо... письмо съ отказомъ...

Помолчали.

— Ну такъ что-же?—наконецъ спросила Сима.

— Ну и ничего... Напишу, что пріѣхать, молъ, нельзя, а пока что... можно имѣ десятку на праздникъ послать...

Сима задумалась.

— И... шабашъ!..—Андрей усмѣхнулся, протянулъ къ Серафимѣ руку и прибавилъ:

— Такъ, что-ли?

Серафима встала, закрыла глаза, потянулась и, тихо подойдя, стала передъ нимъ близко-близко, такъ что у Нечаева духъ захватило, а потомъ неспѣшно, мягкимъ движеніемъ опустила къ нему на колѣни и, широко охвативъ шею обѣими руками, прижалась къ нему нѣжно, ласково и крѣпко...

А черезъ пять минутъ она опять точно потухла сразу и, глядя въ помутившіеся глаза Андрею, спокойно и властно сказала:

— Идите домой...—и потомъ прибавила:—какъ письмо напишете—принесите показать... и на почту заказнымъ снесемъ вмѣстѣ...

— Не вѣришь?—нахмурился Андрей.

Серафима чуть пожала плечомъ, мягко соскользнула съ его колѣнъ и, отойдя къ перегородкѣ повернулась къ нему съ закинутыми за голову руками... И такую красавицей, такой любимой и желанной показалась она ему, что Андрей застоналъ и схватился руками за голову, а потомъ шатаясь всталъ, медленно одѣлъ пальто, шапку и вышелъ...

— Андрюша,—кликнула вдругъ его Серафима. Онъ вздрогнулъ, оглянулся. Она стояла въ дверяхъ, держась рукой за скобку.

— Напишешь—принеси сегодня—буду ждать...

И дверь захлопнулась.

Какъ шальной, вышелъ Андрей со двора и побрелъ по тротуару, мучительно соображая, къ чему это она окликнула его

напоследскъ? И вдругъ—точно молніей осянило его, и сразу понялъ онъ, *зачѣмъ* она будетъ его ждать, почему такъ ласково и сердечно окликнула и почему вотъ ужъ который разъ, въ самыя хмѣльныя минуты, среди самыхъ безумныхъ ласкъ сразу будто чужая становится ему, холодная, строгая и гордая...

— Умница, голубка ты моя!—прошепталъ Нечаевъ:—небось не сказала: „напиши у меня“,—*самъ*-де-моль рѣшай дѣло,—*самъ*, чтобъ потомъ ни попрековъ, ни сомнѣнья не было!..

И тутъ всѣмъ сердцемъ почувалъ Андрей, *что ждетъ его*, когда принесетъ онъ *сегодня* къ ночи письмо, когда ради нея отречется отъ постылагаго прошлаго,—отдастъ ей всю душу, всего себя безраздѣльно...

— Извозчикъ!!—раздался его звонкій, веселый голосъ по темному переулку.

Заперевъ дверь комнатки на крючекъ, Нечаевъ зажегъ лампочку и полѣзъ въ плетеную дорожную корзинку, гдѣ передъ отѣздомъ Настя уложила нѣсколько конвертовъ и листовъ почтовой бумаги, бережно перевязавъ ихъ ниточкой. Развязывая нитку, Андрей вспомнилъ, какъ маленькая Зинка, потѣшно нахмутивъ брови и заложивъ пухлыя рученки за спицу, смотрѣла на мать, пока та заботливо, съ грустнымъ лицомъ укладывала мужу вещи въ дорогу, и сердце наборщика чуть сжалось... Однако, онъ тряхнулъ кудрями, сѣлъ за столъ и наклонился надъ бумагой...

— „Милая Настечка“, сталъ онъ выводить крупными газетными буквами—Настя писанное разбирала плохо—и вдругъ остановился.

— Письмо то, пожалуй, до Святой послѣднее будетъ,—сообразилъ Нечаевъ и взялъ другой листокъ.

— „Христосъ Воскресе“, началъ онъ и опять задумался.

— Коли ужъ рвать, такъ сразу,—мелькнуло у него въ головѣ: безъ всякихъ поздравленій... И опять щипнуло его за сердце;—Нечаевъ положилъ перо и заходилъ по комнатѣ... Мысли разбѣгались и не хотѣли слушаться. На душѣ былъ туманъ и не чувствовалось той удали, силы и радости, съ которыми онъ примчался домой... Андрей сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и остано-

вился передь столомъ. На листкѣ бумаги было рѣзко, отчетливо выведено: „*Христосъ Воскресе*“... Андрей нахмурился и вдругъ сѣлъ за столъ, и положилъ голову на руки.

— Тэ-эк-съ!—прошепталъ онъ сквозь зубы... Закрывъ глаза, и ему какъ на картинѣ представилась прошлогодняя Пасха. Лежить онъ за занавѣской на постели умытый, причесанный, худой какъ смерть;—пошло дѣло на поправку послѣ двухъ недѣль, когда, застудившись, отъ колотья въ бокахъ ни вдохнуть—ни повернуться нельзя ему было... А возлѣ, на постели сидитъ, подперши рукой голову Настя, блѣдная, измученная отъ бессонныхъ ночей,—ласковая, сияющая, съ блестящими отъ счастья глазами; а сбоку подъ стѣной—Зинка, — зажала въ одной рукѣ кусокъ кулича, а другую рученку онъ, Нечаевъ, держитъ возлѣ щеки... И гудятъ колокола, гудятъ... Да-а; а на Страстной, ночью бредилъ онъ, сухой и горячій... Очнулся—опять Настя,—сидитъ, не спитъ, плачетъ...

— Выходила!.. прошепталъ Андрей, медленно, прерывисто вздохнувъ:—и Зинку лѣтомъ выходила! Стоитъ, помнится, онъ, Нечаевъ, за кассой тогда, а душа—на квартирѣ, гдѣ Зинушка маленькая, худенькая, съ красными какъ огонь щечками, разметалась,—лепечетъ свои дѣтскія непонятныя слова, то тихо—тихо засмѣется, то вскинется, закричитъ жалобно и тревожно.

И опять Настя—тутъ же, съ окаменѣвшимъ отъ боли и тревоги за ребенка лицомъ...

— Тэ-эк-съ!..—прохрипѣлъ Нечаевъ и скрипнулъ зубами...

— А безъ мѣста сидѣлъ,—на стирку къ жидамъ ходила,—полы у пристава мыла зимой!.. Руки потрескались;—пришла домой—приложила ихъ къ печкѣ, а сама оглянулась на него—улыбнулась жалостно такъ..

— Да-а-съ! А теперь... теперь... къ чорту ее,—не нужна, значить!.. потому—муженекъ по благородному съ краями чай китайскіе на свободѣ распивать наладился! Какъ же! Зажрался, вишь ты, Андрюшка. Какъ три картошки да одинъ сухарь на день пополамъ дѣлили, это, значить—„Настечка“! А какъ восемьдесятъ цѣлковыхъ выгонять сталъ въ мѣсяць—къ лѣшему Настю? Ахъ ты, арестантская твоя душа! —Андрей запустилъ пальцы въ волосы

и изо всей силы рванулъ голову въ сторону;— скорромнаго захо-тѣлъ!!.

И вдругъ остановился и поднялся... Чудно и радостно ему стало. Свѣтъ отъ лампы сіялъ и переливался въ его глазахъ тысячами тонкихъ какъ иголки лучей...

Въ дверь тихо постучали...

Нечаевъ смахнулъ слезы, пригладилъ волосы и откинулъ крючекъ. Вошла дѣвочка лѣтъ десяти, закутанная въ большой пла-токъ, завязанный узломъ назади.

— Серафима Павловна сказали, чтобъ безпремѣнно шли къ къ намъ на фатеру, все одно хоть и ночью...—начала была дѣвочка.

— Правильно!— громко и весело сказалъ Андрей:—ну, а ты скажи ей, Серафимъ, то есть,—что не придетъ-моль,-совсѣмъ не придетъ, *никогда* не придетъ! Поняла?

Дѣвочка кивнула головой, медленно повернулась и вышла.

А на другой день съ почтовымъ поѣздомъ на Курскъ, въ кожаномъ мѣшкѣ съ денежной корреспонденціей, на имя Настасьи Петровны Нечаевой направлялся переводъ на сорокъ рублей, а на талонѣ было четко написано:

— „Это деньги тебѣ на проѣздъ. Не мѣшкай и получишь Зинку закутывай. Дожидаю. Андрей Нечаевъ“.

Студентъ Н. Полтавецъ.

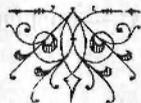
Романсъ.

Мнѣ помнятся чудныя, темныя ночи
И садъ, гдѣ мы были одни,
И эти любимыя, милыя очя,—
Какъ счастьемъ сверкали они!

Мнѣ помнится чудное утро съ зарею
И даль безпредѣльныхъ полей,
Лѣса молодые, гдѣ ранней порою
Намъ чудно такъ пѣлъ соловей.

Все прошло... И былого не стало слѣда;
Все забыто тобою безпечно.
Хоть и сердце болить—ну, да что за бѣда...
Счастье—сказка, оно вѣдь не вѣчно.

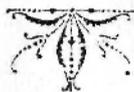
Студентъ Вяч. Игнатовичъ.

Гекзаметръ.

Была красота человѣка предметомъ искусства давно:
Цвѣта живописецъ спѣшилъ передать на свое полотно,
Пластичныя формы ваятель изъ камня старался изсѣчь,
А внутренній міръ отражала поэта горячая рѣчь.
И къ правдѣ чѣмъ ближе они подходили съ трехъ разныхъ сторонъ,
Тѣмъ громче звучало ихъ имя въ потомствѣ на много временъ.
Но какъ же Того не прославятъ фантазія, кисть и рѣзецъ,
Кто подлинникъ кошіи создалъ—прекрасный, живой образецъ!..

Н. Б.

СУДЪ ПО ДЪЛАМЪ
МАЛОЛѢТНИХЪ.

Рефератъ Студента Н. Иваницаго.

Судъ для малолѣтнихъ является однимъ изъ самыхъ животрепещущихъ явленій въ уголовномъ правѣ за послѣдніе годы.

Въ настоящемъ очеркѣ я попытаюсь выяснитъ тѣ принципы, на которыхъ зиждется новый судъ, очертитъ его цѣли и роль. Конечно, я далеко отъ мысли исчерпать на нѣсколькихъ страницахъ эту интереснѣйшую тему, для чего требуется обширная, многотомная работа.

Число преступленій, совершаемыхъ малолѣтними и несовершеннолѣтними, сильно увеличилось у насъ, въ Россіи, послѣ пережитаго нашимъ отечествомъ тяжелаго времени 1905 года. Кому не извѣстно громадное увеличеніе такого вида преступныхъ дѣяній, какъ хулиганство. Но ошибочно было бы сказать, что только случайные факторы могли повысить преступность. Преступность растетъ и помимо случайностей, почти планомѣрно, растетъ угрожающе какъ у насъ, такъ и въ Западной Европѣ и Америкѣ. Во Франціи, Италіи и Австріи особенно замѣчается ростъ числа нанесенія смертельныхъ ударовъ, тѣлесныхъ поврежденій и насилій противъ начальствующихъ лицъ, совершаемыхъ малолѣтними, напр. *)

во Франціи:	въ 1880 году	было осуждено	23319	малолѣтн.		
„	„	въ 1893	„	„	27309	„
„	„	въ 1905	„	„	31441	„
въ Австріи:	въ 1883	„	„	„	34532	„
„	„	въ 1904	„	„	42590	„

*) Рбуашева, — „Особые суды для малолѣтнихъ“.

И особенно опасно, что ростъ преступности малолѣтнихъ обгоняетъ ростъ преступности взрослыхъ, напр. въ Германіи *) на 100,000 соотвѣтствующаго населенія въ 1908 году взрослыхъ осуждено 1221, а малолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 12—18 л., 729; слѣдовательно, малолѣтніе успѣли за 6 лѣтъ сдѣлать преступленій больше половины преступленій, совершенныхъ взрослыми — отъ 18—65 л., т. е., приблизительно, за 47 лѣтъ.

Что же за причины такого роста преступности малолѣтнихъ? Теоретикъ Ленцъ и практикъ Линдеей (судьи для малолѣт. въ г. Денверѣ Сѣв.-Ам. Сосд. Шт.) оба приходятъ къ однимъ и тѣмъ же выводамъ относительно причинъ преступности малолѣтнихъ. Это—незрѣлости ума и воли, врожденная или благопріобрѣтенная психическая аномалія, отъ самой легчайшей формы душевнаго расстройства, которую и распознать трудно, до самой тяжелой. Истерическія заболѣванія въ періодъ полового развитія, когда чрезмерно развивается воображеніе, склонность къ преувеличеніямъ, чѣмъ и объясняются часто грубыя оскорбленія, клевета и т. п.

Но самая главная причина—недостатокъ воспитанія, безпризорность и связанное съ ними вліяніе среды (товарищей, напр.) и испорченный образъ мысли. Увеличеніе преступности стоитъ въ связи и со многими социальными явленіями, косвенно на ней отражающихся: напр., отливъ населенія въ города на фабрики и заводы, удорожаніе жизни и т. п. и т. д. Безъ сомнѣнія, большая часть преступленій малолѣтнихъ принадлежитъ къ разряду легкихъ, слѣдовательно и кары, которымъ они подвергались въ большинствѣ—кратковременное тюремное заключеніе. Но это недолгое заключеніе—только кажущаяся легкость. Среда взрослыхъ преступниковъ, въ которую попадаетъ малолѣтній, оказываетъ на него сильнѣйшее растлѣвающее вліяніе, и легкое наказаніе превращается въ самое тяжелое—въ изувѣченіе дѣтской души.

„Что за воръ, если и въ тюрьмѣ не бывалъ“,—говоритъ воровская поговорка.

Профессоръ Познышевъ, лучшій знатокъ въ Россіи тюремнаго міра, стоитъ въ своей статьѣ въ жур. „Право“ за необходимость

*) Рубашева,—„Особые суды для малолѣтнихъ“, стр. 7.

такого законодательства о малолѣтнихъ, которое спасло бы ихъ отъ *растлвляющаго вліянія тюрьмы*. Судья для малолѣтнихъ въ Москвѣ говоритъ: „Присуждая въ тюрьму въ случаѣ крайней необходимости, смотрю на малолѣтняго, какъ на погибшаго“. Последніе годы на преступленія малолѣтнихъ и борьбу съ ними обращено особое вниманіе. Читались доклады виднѣйшими представителями администраціи и юстиціи, произносились горячія рѣчи въ парламентахъ, — и законодательства всѣхъ культурныхъ странъ пошли на встрѣчу этимъ призывамъ. Нужно отдать справедливость и широкимъ массамъ, — идея особыхъ судовъ для малолѣтнихъ нашла среди нихъ полное сочувствіе. Мысль объ особыхъ судахъ для малолѣтнихъ зародилась въ Австрали, но осуществленіе получила твердое и рѣшительное въ Сѣв.-Америк. Соед. Штат. въ 1899 году. Эта идея была скоро воспринята почти во всей Западной Европѣ, что указываетъ, на сколько назрѣлъ и наболѣлъ этотъ вопросъ; и лишь только былъ найденъ выходъ, какъ въ него бросились англичане, германцы, французы, австрійцы и итальянцы, а въ 1910 году присоединилась и Россія. Первый особый судъ по дѣламъ о малолѣтнихъ былъ введенъ въ Петербургѣ, чему очень много способствовалъ недавно умершій заслуженный ординарн. проф.-криминалистъ при Имп. СПб. ун. сенаторъ Файницкій.

Въ 1912 году въ Москвѣ и Харьковѣ, старинныя цѣли суда — мечь, устраненіе, обезвреживаніе постепенно уступили идеѣ воспитанія преступника, которая въ этомъ особомъ судѣ выступаетъ на первый планъ. Взглядъ судьи на себя, какъ на врача, получаетъ доминирующее значеніе. Судъ происходитъ въ простой обстановкѣ, двери обычно закрыты, такъ какъ публичность засѣданія часто вредно отражается на психикѣ подсудимаго малолѣтняго. Свидѣтели на первое засѣданіе почти не вызываются: цѣль судьи — получить чистосердечное признаніе. По отчету мирового судьи для малолѣтнихъ, города Петербурга таковое (отвѣты) получаютъ въ 88%. Конечно, иногда это удается послѣ болѣе или менѣе долгаго уговариванія судьей, что при обычномъ допросѣ въ общемъ судѣ недопустимо, т. к. судъ не можетъ настаивать на признаніи обвиняемаго.

Въ обращеніи судьи къ малолѣтнѣму принято за правило

говорить „ты“. „Опытъ показываетъ, что такое отношеніе правильно — малолѣтній не долженъ чувствовать себя въ роли взрослого подсудимаго въ общемъ судѣ“ *).

Исходя изъ идеи защиты и спасенія дѣтей, судъ для малолѣтнихъ находится въ органической связи съ организаціями, созданными для защиты дѣтей. Эта связь настолько необходима, это судъ безъ особой организаціи защиты дѣтей не могъ бы существовать или во всякомъ случаѣ, былъ бы хромающимъ учрежденіемъ. И вотъ, вмѣстѣ съ судомъ родился и особый институтъ попечителей, — это члены одного организма.

Должности попечителей и попечительницъ бываютъ платныя и бесплатныя. Опытъ показалъ, что судъ можетъ правильно функционировать только при постоянномъ необходимомъ штатѣ платныхъ попечителей. Цѣль ихъ дѣятельности — изслѣдовать обстановку жизни подсудимаго, его характеръ, семью и т. п.

Каждый попечитель обязательно присутствуетъ на судѣ при разборѣ дѣлъ о малолѣтнихъ, состоящихъ у него подъ надзоромъ. Попечители обязаны посѣщать малолѣтняго на дому и о каждомъ посѣщеніи и его результатахъ записать въ особую попечительскую книгу. Свиданія происходятъ черезъ различные періоды, смотря по степени благонадежности семьи и поведенія малолѣтняго.

Попечитель содѣйствуетъ малолѣтнему и въ пріисканіи работы. Если подсудимаго, судья, по обстоятельствамъ дѣла, не можетъ отпустить въ семью, то помѣщаетъ его временно въ пріютъ. При отпускахъ подсудимаго въ семью, судья внушаетъ малолѣтнему, что за свой проступокъ онъ могъ бы его наказать строже, но, вѣря въ его порядочность, оставляетъ у родителей, подъ условіемъ необщенія съ прежними вредными товарищами и неповторенія проступка. Въ противномъ случаѣ, выслушавъ докладъ попечителя, судья можетъ мѣру пресѣченія измѣнить, назначивъ пріютъ, колонию или тюрьму. Въ добавленіе къ дѣятельности попечителей можно пожелать, чтобы они, входя въ болѣе тѣсныя отношенія съ поднадзорнымъ, воспитывали бы ихъ въ духѣ національнаго самознанія.

*) Отчетъ СПБ. мир. суд. по дѣл. о малолѣт.

* * *

Когда встает туманъ надъ сонною рѣкою,
Вуалью кутая прибрежные кусты;
Когда нисходитъ ночь и ризой голубою,
Увитой звѣздами, мерцаетъ съ высоты;
Когда царитъ весна въ истомѣ аромата
И радостенъ весенней зелени нарядъ,
И алые лучи пурпурнаго заката
Вершины старыхъ липъ, лаская, золотятъ;
Когда въ лазури водъ прелестны переливы,
И о невѣдомомъ даль неба говорить, —
— Тогда душа моя сжимается пугливо,
— Тогда душа моя тоскуетъ и молчить.
Когда же осенью надъ хмурою землею
Свинцовымъ пологомъ нависнуть облака,
Когда, окутана сырой осенней мглою,
Стоитъ недвижная холодная рѣка;
Когда прощальный лучъ ласкаетъ георгины—
Печальной осени любимые цвѣты,
И нити тонкія прозрачной паутины
Витаютъ въ воздухѣ, какъ прошлаго мечты,
Когда на всемъ лежитъ предъ близкою невзгодой
Невнятной горечи и нѣжности налетъ, —
— Тогда душа моя сливается съ природой,
— Тогда душа моя и любить и живетъ...

Студентъ А. В. Жуковскій.

Юрьевъ.
1913 г.

Вѣра и жизнь.

(Рефератъ, читанный на V открытомъ общемъ собраніи научно-литературно-художественнаго Кружка Русскихъ Студентовъ).

„Жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслажденіе, жизнь тяжкій трудъ“, — говоритъ русскій писатель И. С. Тургеневъ, глубокій знатокъ и жизни и человѣческой души. Да и правда. Только послѣ тяжелыхъ трудовъ, можетъ сказать человѣкъ: я живу. Бездѣлье невольно порождаетъ вопросъ: зачѣмъ жить? Если не трудишься, не работаешь, если не мыслишь, не страдаешь, жизнь твоя бесполезна.

Вѣдь своимъ существомъ ощущать, что ты приносишь хоть крупицу пользы человѣчеству, развѣ не счастье? Развѣ не высшее наслажденіе для человѣка сознание дѣлаемой имъ пользы? Пусть эта польза будетъ крупицей, пусть незамѣтенъ будетъ трудъ, — важно сознание, что ты дѣлаешь дѣло, приносишь хоть какую-нибудь пользу окружающимъ. Пусть про такихъ людей говорятъ съ усмѣшкой: „ты, молъ, седьмая спица въ колесницѣ“.

Не обращайтесь вниманія на эти замѣчанія, — несите свой крестъ. Вѣдь не всякому дано быть великимъ, но и плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ!

Каждый человѣкъ обязанъ исполнять долгъ и передъ человѣчествомъ и передъ родиной, терпѣливо неся тотъ крестъ, который ему предоставленъ свыше; уклоняться же отъ этого есть великій

грѣхъ. Теперь всё охвачены полнымъ отрицаніемъ всего. Въ жизнь вѣчную нѣтъ уже ни капли вѣры. Долгъ передъ отечествомъ и человѣчествомъ кажется чепухой. Настало печальное время отрицанія всего святого, всего хорошаго, чистаго, праведнаго. Читаешь современную литературу и видишь, что она дошла до послѣдней черты вульгарности и низкопробности. Выродившись въ пьяную гримасу, въ „пастельность“, она открыто глумится надъ всѣмъ честнымъ, святымъ. Да и не только литература, — вся теперешняя жизнь есть сплошное сомнѣніе во всемъ и отрицаніе всего. Стоитъ только заглянуть въ газетный столбецъ происшествій: чуть не десятокъ, а то и больше самоубійствъ каждый день. Это ли не вѣрный показатель современнаго вырожденія и полнаго отсутствія вѣры въ людяхъ. Подобная „вакханалія смерти“ наблюдается не только у насъ, въ Россіи. „Все отходитъ — и молодость, и красота, и жизнь. Отходитъ изъ исторіи и великое явленіе христіанства. Посмотрите, что дѣлается на верхахъ культуры, — во Франціи совершается ежегодно миллионъ дѣтоубійствъ. Какъ то на дняхъ еще было заявлено во французскомъ парламентѣ, — безчисленные дѣтскіе труники плаваютъ по водосточнымъ канавамъ Парижа и скапливаются грудями у рѣшетокъ“ (М. О. Меньшиковъ). Развѣ эти чудовищные факты не свидѣтельствуютъ о крушеніи морально-религіозныхъ началъ? Развѣ они не осмѣиваютъ святость семьи, вѣру въ Бога и вообще все праведное въ человѣкѣ. О современной женщинѣ и говорить не приходится. „У женщины вырвали чуткое сердце, погубили, затоптали въ грязь божественную искру чистоты и праведности, заплевали ея честные, ясные глаза, сорвали съ ея головы вѣнецъ духовнаго превосходства и обаянія. Все во имя пресловутаго „равноправія“ (Мих. Спасовскій).

Женщина въ семьѣ всегда занимала первенствующее мѣсто. Раньше она воспитывала дѣтей, внушая имъ съ самаго ранняго возраста вѣру въ Бога и любовь къ великой родинѣ. Теперь же мать, зараженная лихо канканирующимъ „равноправіемъ“, старается воспитать своихъ дѣтей въ духѣ неразборчивой современности, откинувъ, какъ что то ненужное, вѣковые завѣты своихъ предковъ...

Вмѣсто того, чтобы посвятить жизнь воспитанію своихъ дѣтей, современная мать—„прогрессистка“, одержимая „гуманнымъ“ служеніемъ всему евр-оп-ейскому, но только (избави Богъ!) не *русскому*, подчасъ бросаетъ семью на произволъ судьбы и бѣжитъ на „курсы“ либо въ „народный университетъ“, гдѣ больше проникается... чѣмъ хотите, только не *чистыми* науками. Такъ нарождается у насъ новый типъ женщины, безнадежно залутывающей въ собственныхъ силкахъ „свободы“.

А дѣти?.. Дѣти брошены дома на попеченіе прислуги, больше думающей о залихватскихъ усахъ пожарнаго, чѣмъ о чуждыхъ ей дѣтяхъ. Да и правда,—какъ бы прислуга ни была хороша, все же присутствіе матери для ребенка необходимо. Кто можетъ его больше любить, чѣмъ мать? Кто сумѣетъ въ мягкія, какъ воскъ, души будущихъ людей ввести свѣтлые идеалы Христа, кто сумѣетъ такъ чутко зажечь любовь къ ближнему,—какъ не мать?.. И вотъ растутъ у насъ новыя поколѣнія людей, безличныхъ, бездушныхъ, духовно обнищавшихъ, безнадежно обработанныхъ ядомъ еврейской ненависти ко всему великому, праведному, родному,—ко всему христіански подвижническому. Такъ растутъ у насъ новыя поколѣнія хулителей и предателей Россіи,—растутъ и въ литературѣ, и въ политической, и въ общественной жизни. Вѣра, истина, красота, благо терпятся въ хаосѣ сомнѣній и отрицаній..

Совратители нашихъ дней, уйдя отъ Церкви и зло разрушая вѣковые религіозно-нравственные устои, тѣмъ самымъ освобождаютъ въ народѣ темныя силы, выражающіяся въ ростѣ преступности. Если нашъ Православный народъ бодро выносилъ всѣ испытанія въ прошломъ и сохранялъ свою душевную мощь, то исключительно потому, что имѣлъ источникъ духовной силы въ своей глубокой вѣрѣ и въ свѣтлыхъ идеалахъ христіанскаго подвижничества. „Народъ, созерцая чистую жизнь религіозно-трудовыхъ общинъ, учился жить. Вблизи монастырскихъ стѣнъ, въ присутствіи святыхъ, живыхъ и мертвыхъ, совѣсть народная держалась тверже, чѣмъ вдали отъ нихъ“. Развѣ это не правда? Развѣ святой не является носителемъ тѣхъ идеальныхъ качествъ, которыя въ глазахъ народа дѣлаютъ совершенною человѣческую душу?..

Въ настоящее время, прежде чѣмъ искать подкрѣпленія духа

въ близости съ духовенствомъ, необходимо задержать паденіе вѣры, а съ нею и народной совѣсти, если бы попробовать вернуть два начала: авторитетъ духовенства и живое участіе народа въ Богослуженіи. Въ древнихъ храмахъ народъ не только причащался и прикладывался ко Кресту, но и самъ пѣлъ, общимъ хоромъ, самъ отвѣчалъ на слова священника, самъ произносилъ тѣ или другія молитвы—т. е. самъ священнодѣйствовалъ съ дьякономъ и священникомъ. Народъ замолкъ въ храмѣ, постепенно замолчало и его сердце. Молитва, какъ выраженіе любви, не можетъ быть предвѣряема дьячку или пономарю. Религіозной душѣ самой хочется громко выразить то, что она чувствуетъ. Относительно же авторитета священниковъ можно сказать одно: укрѣпить, поднять вѣру могутъ лишь такіе священники, которые чувствуютъ въ себѣ призваніе къ своему высокому сану. „ У такихъ священниковъ и теперь народъ поетъ и служитъ своему пастырю. У такихъ священниковъ иногда бѣдный храмъ развиваетъ неодолимое и теперь тяготѣніе къ нему массъ“...

Студентъ Ник. Муратовъ.

Туча.

Стихотворение.

Набѣжала туча... грознымъ и суровымъ
Загремѣла громомъ въ блескъ огнемомъ;
Небо голубое сдѣлалось багровымъ,
Освѣтило землю пламеннымъ снопомъ.

Полетѣли искры, полилися слезы,
Оживляя, въ зноѣ спящие, лѣса;
Зашумѣли сосны, ели и березы,
Пробуждая въ рошѣ темной голоса.

Заболѣло сердце... грустью безпредѣльной
Отравило разумъ, свѣтлыя мечты;
Загасило искру вѣры нераздѣльной,
Что всю жизнь моею будешь только ты...

Но промчалась туча, и съ высотъ лазурныхъ
Засіяло солнце въ золотыхъ лучахъ;
Вновь нашелъ я счастье и въ объятыхъ бурныхъ,
И въ блестящемъ солнцѣ, и въ твоихъ очахъ!..

Студентъ Вяч. Игнатовичъ.

ПОПУРРИ

ПОЩЪЛУЕВЪ.

Novellen von Marie Madeleine.

Allegretto.

Staccato.

Capriccio.

Pianissimo.

Finale.

Переводъ съ нѣмецкаго Б—й.

Понурри поцѣлуевъ.

Allegretto.

Эрнестикъ стоялъ у подъѣзда.

Онъ называлъ эту высокую четырехэтажную казарму, принадлежавшую его отцу, первый этажъ которой занимали его родители, — „своимъ“ домомъ.

Эрнестикъ былъ стройнымъ пятилѣтнимъ мальчикомъ; его голубые глаза добродушно выглядывали изъ-подъ шапки золотистыхъ волосъ. Глядя на него, никто не подумалъ бы, что это — страшная личность, что онъ распространяетъ вокругъ себя ужасъ и трепеть, что онъ, наконецъ — анархистъ.

Онъ со всеѣмъ свѣтомъ жилъ во враждѣ, ко всему свѣту чувствовалъ отвращеніе, — даже къ своимъ родителямъ. Своего отца не выносилъ, потому — что тотъ его „подло билъ“; мать не терпѣлъ, — „она глупа“, увѣрялъ онъ.

Свою гувернантку, водившую его на прогулку, онъ до тѣхъ поръ забрасывалъ уличной грязью, пока та не уходила.

Съ удивительной энергіей завоевывалъ онъ себѣ свободу на нѣсколько часовъ, для того, чтобы приводить въ исполненіе свои замыслы, напримѣръ: стояніе у подъѣзда и заговариваніе съ прохожими.

По обыкновенію и сегодня предался онъ этому спорту. Онъ схватилъ мимоходящую даму за пальто и крикнулъ ей: Вы, я сегодня одинъ купилъ сахаръ!

Дама улыбнулась красивому карапузу и дружелюбно сказала:— Это очень мило съ твоей стороны!

— Ахъ, ты старая мать Ицка!—закричалъ Эрнестикъ, что очень удивило даму, не имѣвшую въ своихъ жилахъ ни малѣйшей примѣси крови этой расы.

Распалившись, Эрнестикъ побѣждалъ черезъ улицу въ мелочную лавку, гдѣ работалъ гладко подстриженный, напомаженный молодой человекъ — „красавецъ Эмиль“ — горничныхъ. Мальчикъ крикнулъ въ открытую дверь: „Твой сахаръ оказался опять порядочной гадостью, ты — негодай!“

Для безопасности, онъ торопливо побѣждалъ обратно въ родительскій домъ.

Кухарка Августа, входившая какъ разъ въ этотъ моментъ въ квартиру, сказала ему: „Эрнестикъ, папа уже дома, ты какъ разъ подоспѣлъ къ обѣду!“

— Ерунда! я долженъ сначала къ жильцамъ,—промолвилъ собесѣдникъ съ важностью и пошелъ совершать свой ежедневный обходъ по дому.

Сперва онъ позвонилъ въ бель-этажъ къ офицеру. Денщикъ, открывшій ему дверь, дружески ослабившись, впустилъ его, въ виду того, что барыня очень любила Эрнестика и приказала его всегда принимать.

Эрнестикъ сравнительно любезнымъ обращеніемъ отплачивалъ ей за доброту;—менѣе въ хорошихъ отношеніяхъ онъ былъ съ Бодо, единственнымъ отпрыскомъ семьи.

Онъ чувствовалъ, что семилѣтній мальчикъ (Бодо) смотрѣлъ на него свысока,—и потому сердился.

Со своей стороны Бодо тоже не жаловалъ шалуна и съ чувствомъ удовлетворенія сознавалъ, что Эрнестикъ менѣе его послушенъ.

Покровительственно подойдя, Бодо съ любезнымъ выраженіемъ лица и привѣтствіемъ, протянулъ Эрнестикѣ руку.

На что посѣтитель отвѣтилъ:— „Иди пожалуйста прочь, Бодо, ты преступникъ. Ты у меня взялъ кинжалъ, который я стянулъ у Дитриха.“

— Миленькій Эрнестикъ, — задабривала его офицерша, — не хочешь ли пообѣдать съ нами? — Мой мужъ сегодня не придетъ.

— Это очень хорошо, что не придетъ, — отвѣтилъ Эрнестикъ, — онъ... со своими рачьими глазами...

Затѣмъ онъ носпѣшилъ въ столовую. Тамъ было все красиво и уютно. Въ открытыя окна струился запахъ липъ. На красиво-сервированномъ столѣ выдѣлялся букетъ розъ.

Денщикъ ждалъ у буфета, намѣреваясь подавать.

Пока Бодо вслухъ произносилъ молитву — Эрнестикъ смиренно сложилъ свои руки. Какъ только кончилась молитва, онъ обратился къ сыну хозяйки: — Глупая голова, ты молишься теперь? Сейчасъ совсѣмъ не вечеръ!

Вслѣдъ затѣмъ онъ принялся ѣсть языкъ съ зеленымъ горошкомъ.

— Вкусно? — спросила офицерша, когда Эрнестикъ съѣлъ вторую порцію.

— Фу, нѣтъ, поганая жратва, — слышался отвѣтъ.

Затѣмъ онъ соскочилъ со стула и ушелъ.

Во второмъ этажѣ у вдовы коллежскаго совѣтника онъ былъ менѣе любезно принятъ.

Все-таки служанка впустила его въ комнату, гдѣ совѣтница и ея таксы проводили время.

Старая дама сидѣла у окна въ плетеномъ стулѣ; ея любимая старая такса покоилась на колѣняхъ.

Увидѣвъ черезъ очки Эрнестика, стоящаго у двери, она обратилась къ нему: — Милое дитя, ты вчера себя гадко велъ, обзывая мою Минну, бранными словами.

— О, только это, — сказалъ легкомысленно Эрнестикъ. Онъ приблизился къ стулу и сталъ разсматривать съ видомъ знатока собаку.

— Цезарь былъ красивѣе, — сказалъ онъ. — Ты знаешь Цезаря тети Марты, которая живетъ въ имѣннн? Цезарь былъ очень красивъ; послѣдній разъ, когда я тамъ былъ въ гостяхъ, онъ околѣлъ. Но! — я не былъ виноватъ... можешь мнѣ не вѣрить... Ну, ... мы его похоронили, я и мой дядя Павелъ... На Пасху я туда поѣду и вырою Цезаря.

— Фу, не дѣлай этого.

— Нѣтъ, сдѣлаю! вскрикнулъ Эрнестикъ съ живостью. Онъ вошелъ въ экстазъ:—я однажды выконалъ бѣлыхъ мышей, онѣ воняли, но все-таки я ихъ выконалъ.

Онъ сталъ скакать на одной ногѣ, припѣвая: „Цезаря вырою я опять,—Цезаря... вырою я—опять“...

— Фу, не аппетитное дитя!—воскликнула совѣтница,—фу, уходи только скорѣе,—прочь!..

Эрнестикъ поторопился исполнить приказаніе, но прежде указалъ пальцемъ на толстую муху, удобно расположившуюся на черной шерсти таксы и закричалъ, полный дикаго злорадства:

— Слушай, въ твоей собакѣ сидитъ моль.

Онъ выбѣжалъ и послѣдовалъ подняться по лѣстницѣ въ квартиру банкира Хартвига.

Но на лѣстницѣ былъ пойманъ Августой, которой приказали привести его къ обѣду. Придерживаемый сильной, мускулистой рукой кухарки, вошелъ онъ въ квартиру родителей.

Запахъ жареной телятины пріятно щекоталъ его обоняніе, но онъ не смѣлъ сейчасъ же сѣсть за столъ. По выраженію лица матери онъ заключилъ, что она сильно сердится на него или на самого папу.

Папа ходилъ, какъ громовержець Юпитеръ.

— Эрнестъ,—сказалъ онъ не терпящимъ возраженія тономъ,—что ты вчера сдѣлалъ послѣ обѣда у булочника Янкеля?

— О, ничего!—отвѣтилъ разсѣяннo сынишка. Ахъ,—ты еще лжешь?

Тонъ становится все страшнѣе.

И мама, которая стояла у окна, всплеснула руками.—Ты ужасное дитя,—нѣтъ, что только съ нимъ мы не переживаемъ!

— Эрнестъ, ты укралъ!—прогремѣлъ отецъ,—ты укралъ у булочника Янкеля пышку со взбитыми сливками!

— Ахъ; у него ихъ такъ много было!—оправдывался мальчикъ.

Когда же отеческая рука опустилась на него для наказанія, онъ возмущенно вскричалъ:—Янкель не можетъ-же всѣ свои пышки одинъ сожрать!

Однако, этотъ аргументъ не подѣйствовалъ на отца.

Онъ продолжалъ его сѣчь.

Затѣмъ Эрнестикъ вмѣсто того, чтобы принять участие въ обѣдѣ, былъ уведень въ кладовую.

Онъ охотно позволилъ этому совершиться, ибо въ прежнихъ подобныхъ же случаяхъ ему передавали здѣсь вкусныя вещи.

Этотъ же разъ, къ несчастію, поумнѣвшая Августа поставила все на недосягаемую высоту.

Пойманный сидѣлъ въ ярости на ступенькѣ. Онъ презиралъ и ненавидѣлъ весь свѣтъ, главнымъ же образомъ жену булочника.

Вотъ для чего она передъ обѣдомъ приходила къ нимъ. Онъ видѣлъ, какъ она входила, когда сидѣлъ у окна въ квартирѣ офицера, но онъ не подумалъ о ея приходѣ. Значитъ, она наклеузничала. Такая подлость!

И какъ больно сѣкъ папа.---Люди все негодные и онъ въ данный моментъ никого не любилъ.

Кромѣ Лилли!..

Лилли занимала въ его жизни особенное мѣсто.

Лилли, старшая дочь архитектора, жила какъ разъ по другую сторону улицы. Ей тоже пять лѣтъ, какъ и ему. Она маленькая блондинка... и послушная,—о!—какая послушная!—необыкновенно даже.

Эрнестикъ даже боялся ее, она была какъ бы изъ воска,—такъ походила на Рождественскаго ангела... У нея никогда не было ни пятнышка на платьѣ, никогда не было оно разорвано и... что казалось ему самымъ удивительнымъ—ея всегда чистыя ручки!

Несмотря на боязнь, онъ искалъ ея общества.

И удивительно, Лилли не убѣгала отъ него, какъ другія дѣти съ крикомъ: „Эрнестикъ идетъ!“

Но какъ только онъ появлялся, она протягивала ему чистую ручку и вѣжливо здоровалась.

Затѣмъ они шли гулять и она рассказывала ему въ братскихъ словахъ: какъ поживаютъ ся куклы и ея канарейки.

Къ сожалѣнію, Лилли всегда очень скоро вводила слу-

жанка, по приказанію барыни, не желавшей, чтобы ея дѣвочка проводила время „съ невоспитаннымъ мальчикомъ“.

Но не всегда Лизѣ (горничной) удавалось увести дѣвочку, — на ея рукахъ были трехлѣтній и десятилѣтній братцы Лилли.

Эрнестикъ звалъ всѣ мѣста, куда водила няня ввѣренныхъ ей дѣтей.

Теперь они находились у „Новаго Дома“.

Тоска Эрнестика по послушной и милой подругѣ Лилли вскорѣ дошла до своего апогея.

Если бы онъ только оконную задвижку осилилъ, — прыжокъ внизъ былъ бы для него пустякомъ.

На самомъ дѣлѣ... онъ счастливо взобрался на подоконникъ и — открылъ задвижку.

Прыжокъ, — и онъ внизу.

Онъ побѣжалъ такъ скоро, какъ только могли нести его ноги, черезъ дворъ, на улицу, направо: къ „Новому Дому“.

Правильно!... Ненавистная, противная, рыжая, нянька была тамъ съ коляской, въ которой лежалъ ребенокъ. Эрнестикъ не могъ устоять, чтобы не сравнить ребенка съ колибри.

На кучѣ песку сидѣли Лилли и ея братъ и дѣлали пирожки. Конечно, пирожки Лилли были красивѣе, чѣмъ у остальныхъ дѣтей.

Эрнестикъ крался безшумно, какъ индѣецъ, пользуясь, какъ прикрытіемъ, кустомъ бузины.

Лишь только нянька занялась кормленіемъ ребенка, онъ вскочилъ изъ куста, схватилъ Лилли и потащилъ, ее въ дикомъ побѣгѣ, съ собой.

— Но, Эрнестикъ — сказала славное дитя, какъ только они остановились. — Я должна остаться съ Лизой.

— Совсѣмъ не нужно, — отвѣтилъ мальчуганъ, — пойдемъ лучше! — Я тебѣ покажу птичье гнѣздо.

Они шли все далѣе и далѣе вглубь блестящаго зеленю парка.

Старыя деревья бросали тѣни на дорогу и солнечныя пятна скользили въ тѣни.

Эрнестикъ не выпускалъ руку Лилли.

— Какъ хорошо здѣсь, — сказалъ онъ. Глубоко вдыхая воздухъ, онъ наслаждался послѣ всѣхъ переживаній, которыя ему принесли сегодняшний день.

Однако, его натура оказалась слишкомъ живой, чтобы дальше оставаться въ покоѣ.

Маленькій прудъ, передъ которымъ они остановились, непреодолимо тянулъ его къ себѣ.

— Выкупаемся, — предложилъ онъ.

— Нельзя, — возразила Лилли, — намъ придется раздѣться и потому я не смогу застегнуть мое платье.

— Ну, тогда мы выкупаемся въ одеждѣ!

Лилли сопротивлялась всѣми силами своей души, но, наконецъ, больше не смогла идти противъ демонической настойчивости Эрнестика.

Держась за руки, они спустились въ прохладный, тинистый прудъ.

— О, какъ прохладно тамъ!... Какъ мокро и скользко!..

— Фу, чортъ! — выбранился Эрнестикъ, что означало безъ всякихъ разговоровъ покинуть неприятный прудъ.

Они сѣли на откосъ и Лилли разрывающе сердце заплакала.

— О... мое платье совсѣмъ грязное, — ныла она, — и мои чулочки... у... у... и мои сапожки грязные... у...

Она закрыла руками плачущее лицо.

Тутъ только замѣтилъ Эрнестикъ, что и ея ручки тоже перепачканы!

Да, совсѣмъ грязными, покрытыми тиной и грязью были маленькія всегда чистыя ручки, которыя для него всегда были символомъ того, что Лилли — высшее существо!

Ему показалось, что въ это мгновеніе между ними рухнула стѣна, до этого момента раздѣлявшая ихъ.

Она тоже была непослушной!... и тоже — грязной!...

Теплое чувство поднялось въ его груди, — весь страхъ, который онъ чувствовалъ передъ ней, исчезъ.

Онъ обнялъ её, желая утѣшить, и промолвилъ покровительственно: — Ну... не плачь же!

Затѣмъ, когда и это не помогло, онъ поцѣловалъ её...

Да, онъ, кого никакія силы всего міра не могли побудить къ поцѣлюю,—сдѣлалъ это теперь.

И поцѣлуй ему такъ понравился, что онъ ее еще поцѣловалъ .. и еще... и наконецъ много, много разъ.

Онъ покрывалъ ея маленькое, грязное, смоченное слезами личико веселыми, короткими поцѣлуями, слѣдовавшими одинъ за другимъ быстро—быстро, какъ звуки—Alegretto.

Онъ чмокалъ её своими дѣтскими розовыми губами.

И былъ счастливъ,—счастливъ, какъ никогда раньше въ своей жизни маленькаго анархическаго существа.

Staccato.

Цѣлый день стояла такая невыносимая жара, что владѣльцы усадьбы не рѣшались выходить изъ дому.

Тяжелыя ставни бѣлаго господскаго особняка были закрыты, чтобы отражать палящіе лучи солнца.

Хозяинъ дома, толстякъ Эрльбахъ, лежалъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ; храня его длеко распространялся по комнатамъ.

Впрочемъ, все это не помѣшало ему черезъ нѣкоторое время увѣрять всѣхъ, что онъ „заработался“.

Еще болѣе полная, чѣмъ ея супругъ, госпожа Эрльбахъ въ промежутокъ между стопами и вздохами, успѣла, истребить изрядное количество холоднаго, какъ ледъ, лимонада:—для какого-либо иного занятія у нея отъ жары не доставало силъ.

Племянникъ Эрльбахъ, высоченный семнадцатилѣтній кадетъ, находившійся здѣсь для поправки, писалъ безъ устали письма, не взирая на сумерки отъ закрытыхъ ставень и чертовскую температуру.

Онъ далъ обѣщаніе—извѣщать о своихъ приключеніяхъ—весьма многихъ товарищей по корпусу и потому ему приходилось писать каждый день, что врядъ ли было удобно,—но онъ держалъ свое слово съ особенною свойственною ему добросовѣстностью.

Мелитта, пятнадцатилѣтняя дочь хозяевъ, закрывшись у

себя въ комнатѣ, читала въ послѣ-обѣденное время какую-то за-
прещенную, вѣроятно эротическую книгу.

Медленно подходилъ къ концу день и, наконецъ, когда солнце,
какъ кроваво-красный огненный шаръ, уже стояло на западѣ,
явилась возможность выбраться на свѣжій воздухъ.

Кушали на террасѣ. Какъ всегда, у Эрльбаховъ кушали
много и хорошо.

Но ни у кого не было настоящаго аппетита и это обстоя-
тельство наполняло скорбью и неудовольствіемъ объемистую хо-
зяйку дома.

— Сумасшедшая жажда, — жаловалась она, — даже на аппетитъ
дѣйствуетъ. Это невыносимо! При такихъ условіяхъ ни одинъ
человѣкъ не можетъ остаться здоровымъ.

— Мелитта, ты совсѣмъ болѣзненно выглядишь!

Ея нездоровье до сихъ поръ, конечно, никто не могъ обнару-
жить, за исключеніемъ любящаго материнскаго ока!

На самомъ дѣлѣ, Мелитта съ ея рано развившейся, стройной
фигурой и красивымъ розовымъ лицомъ выглядѣла, какъ и всегда,
цвѣтуще.

Мелитта попыталась увѣрить мать въ противоположномъ, но
госпожа Эрльбахъ стояла на своемъ, и попытка эта оказалась
напрасной.

Она огорченно покачала головой: — Милочка, ты сегодня кушала,
какъ птичка: всего только два кусочка ветчины, да пару кар-
тофелинъ. Хотя это можетъ быть еще оттого, что мы сегодня цѣлый
день прятались по комнатамъ. Прогуляйтесь-ка, дѣтки! Ступайте
въ новую аллею.

— Это очень далеко, тетя, — протестовалъ Куртъ, имѣвшій на
вечеръ совсѣмъ другіе планы.

Но Мелитта энергично вскочила: — Ахъ, ты шалопай, — вы-
бранила она, двоюроднаго брата, — идемъ! Мы можемъ не итти до
конца аллеи, но прогуляться все-таки должны!

Они направились въ поле.

Небо дышало вечернимъ зноемъ, сладко и тяжело пахло сѣно
Высокій бѣлокурый кадетъ и кругленькая дѣвушка шагали рядомъ.

Время отъ времени Мелитта бросала бѣглый взглядъ на двоюроднаго брата.

И, такъ какъ молчаливый спутникъ ни на что не обращалъ вниманія, ей пришлось первой заговорить:— Куртъ, ты самый скучный кавалеръ, какого я когда либо встрѣчала.

Замѣчаніе относительно скучности огорчило кадета, но названіе „кавалеръ“ ему доставило удовольствіе.

Благодаря смѣшанности воспріятій, онъ отвѣтилъ не то сердито, не то любезно:—Ну-съ, о чемъ я долженъ говорить?

— Ты могъ бы что-нибудь интересное мнѣ рассказать.

— Напримѣръ?

— Хотя бы свои переживанія.

— Да, но жизнь въ корпусѣ, я думаю, не можетъ же интересовать дѣвочку.

— Я подразумѣваю совсѣмъ не твое скучное учебное заведеніе, а говорю о твоихъ... твоихъ собственныхъ переживаніяхъ.

— Да ты же знаешь, что я каждое воскресеніе хожу къ дядѣ Эбергарду.

— И объ этомъ я не говорю.

— У него тоже скучно.

Я говорю...—Она медлила.

Затѣмъ, прыгнувъ черезъ канаву, побѣжала по лугу и бросилась во всю длину своего стройнаго тѣла въ кучу сѣна.

Куртъ послѣдовалъ ея примѣру.

Оба расположились въ мягкомъ сѣнѣ. Мелитта повернулась на спину и стала смотрѣть въ ясное небо.

Она засмѣялась... нервность чувствовалась въ ея смѣхѣ,— такъ щекотали стебельки сѣна,—она рѣшилась окончить оборванную въ началѣ фразу:...—Я подразумѣвала твои любовныя приключенія, о которыхъ ты долженъ мнѣ рассказать.

— Что!?

Кадетъ подскочилъ отъ неожиданности. Онъ такъ раскрылъ свои голубые глаза, что они совсѣмъ стали круглыми.

— Мелитта, неужели тебѣ совсѣмъ не стыдно?!

— Нѣтъ,—сказала кузина,—изъ-за чего же мнѣ стыдиться когда любовныя то приключенія имѣешь ты?!

— Но—о, у меня нѣтъ никакихъ.

— Такъ,—ну тогда ты тѣмъ болѣе долженъ стыдиться,— сказала Мелитта съ гнѣвомъ,—если бы мнѣ было семнадцать лѣтъ и я была бы женщиной... но нѣтъ! Я больше съ тобой не разговариваю. Ты дуракъ!

Съ этими словами она подвинулась въ сторону, повернулась къ двоюродному брату спиной и вытащила изъ сѣна длинный стебелекъ, который стала кусать крѣпкими, бѣлыми зубами.

Одно мгновеніе ничего не было слышно, кромѣ скрипѣнія красивыхъ зубовъ. Затѣмъ Куртъ нарушилъ молчаніе: Послушай-ка, противно слушать,—нервить,—для тебя нѣтъ никакой надобности питаться сѣномъ.

Она не отвѣчала и продолжала свое занятіе по прежнему.

Черезъ нѣкоторое время онъ снова заговорилъ.

— Ты—ы... Мелитта... послушай-ка, что... что бы ты наконецъ сдѣлала, если бы была женщиной и тебѣ было бы семнадцать лѣтъ?...

Она повернулась къ нему.

Теперь они лежали другъ противъ друга и смотрѣли въ глаза.

Глаза Мелитты блеснули и искрились.

Я тогда цѣловала бы хорошихъ дѣвушекъ... или можетъ быть женщинъ, это еще интереснѣе!

— Какъ ты могла сама додуматься до этого?

— Боже мой, я совсѣмъ не дитя, милый Куртъ. На Пасхѣ я приму конфирмацію. Потомъ я могу выйти замужъ. Пока же я имѣю полное право задумываться о чемъ угодно!

Кадету казалась кузина прямо таки сорванцемъ. Но его уже заинтриговало услышанное и потому онъ спросилъ:

— Ну, о чемъ же ты сейчасъ напимѣръ думаешь?

— О любви. Я говорю, конечно, не о любви къ родителямъ, а о настоящей любви.

— А—а—...

— Куртъ, любилъ ли ты кого-нибудь?

Ея милое, слегка веснущатое лицо густо покраснѣло.

— Да... ну что же изъ этого.

— Ахъ, да не будь же скрытнымъ! Бывало ли въ твоей груди пламя?

— Да, Мелитта. Каждый мужчина имѣетъ ея пламя.

— Ну, видишь ли!.. Была она красива?

— Да.

— И тебя она любила?

— Да.

— Вы цѣловались?

— Нѣтъ. Такъ далеко совсѣмъ не полагается заходить!

Мелитта недовольно вздохнула.

Она вытянулась, — и прижалась къ сѣну.

Ахъ какъ оно пахло... какъ сладко и тяжело оно пахло.

А въ воздухѣ чувствовался еще зной, не спадавшій въ теченіе цѣлаго лѣтняго дня.

— Какъ жарко... какъ мнѣ жарко, — жаловалась Мелитта, — попробуй, какъ горитъ мое лицо.

Онъ дотронулся до ея щеки.

— Совсѣмъ ты не горячая.

— Мои руки еще болѣе горятъ, попробуй, — она протянула ему бѣлую, до половины закрытую легкимъ свѣтло-голубымъ батистовымъ рукавомъ, руку.

— Нисколько.

Крикъ нетерпѣнія вырвался съ ея полураскрытыхъ губъ.

Затѣмъ она скрестила на груди руки и закрыла глаза.

Что могла она еще сказать этому глупому юношѣ! Минуты текли.

Сѣно такъ сладко пахло... И вотъ почувствовала она наконецъ — наконецъ-то! — его губы на своей рукѣ.

Очень тихо, — чуть-чуть прикоснулся онъ своими губами и вновь отнял ихъ.

Совсѣмъ такъ, какъ при исполненіи музыкальной пьесы, когда приближается „staccato“ и ея учительница музыки твердитъ при этомъ: „одинъ мигъ... чуть прикасаться“... И вновь она почувствовала горячія, неопытныя, юношескія губы...

На шеѣ... на щекахъ... Раздражающіе... робкіе... короткіе поцѣлуи... Она не открывала глазъ.

И думала: — Какъ пріятно... Но должно быть есть еще болѣе прекрасные поцѣлуи, чѣмъ это staccato“...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Р о з а.

Стихотвореніе въ прозѣ.

Хочется сорвать эту розу, поднести ее къ пылающимъ губамъ и со стономъ страданья и душевной тревоги прикоснуться къ ней.

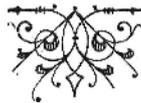
Хочется осторожно положить ее на бархатную подушку и упасть ницъ передъ ней, цѣловать ея стебель и трепещущіе лепестки.

Хочется, омочивъ слезами, молить ее—не отогнать, а простить за эту казнь, за эту жертву, за взятую жизнь и за взятую честь.

Хочется безумнымъ поцѣлуемъ благодарить ее за это смиреніе и за этотъ трепетъ любви, за стыдъ и за счастье, даренное въ мукѣ, слезахъ и страданіи...

Студентъ

Вл. Шмаповичъ.

О СОВРЕМЕННОМЪ

ПИСАТЕЛЬСТВѢ.

Литературныя замѣтки **Мих. Спасовскаго.**

О современномъ писательствѣ.

Вербицкая и толпа.

Анастасія Вербицкая привлекала вниманіе улицы очень недолго. Всего года три-четыре ей охотно бросали пятаки за ея «страстный протестъ личности противъ узъ любви, дружбы и семьи», за ея лихо отплясывающій «гимнъ торжествующей личности». Посмаковавъ «ключи счастья», все идейное содержаніе которыхъ укладывалось въ словахъ: «Если вы утромъ цѣловали меня, а вечеромъ желаніе толкнетъ васъ въ объятія другого, повинуйтесь вашему желанію», — подумывали о новомъ, болѣе изощренномъ. Ожидательно прислушивались къ Арцыбашеву, Мережковскому, Мовшѣ Гликбергу.

Переживъ свою «славу» и добившись желаннаго пополненія своего портъ-монэ, Вербицкая благоразумно удалилась на покой. Выжать изъ нея еще что-либо оказалось невозможнымъ. Да въ этомъ и не ощущалось «острой» потребности. Ея мораль «женщинъ грядущаго», разбитая на заповѣди: «Отыmemъ у дѣтей идеалы... идеалы вѣчной любви, неразлучные съ ревностью, безуміемъ и страданіемъ. Отыmemъ у нихъ иллюзіи!.. Какъ и мужчина, женщина любовь не отвергнетъ. Они оба возьмутъ любовь, какъ радость, какъ необходимость, какъ музыку, какъ краски жизни (?) и ея красоту... Но души и жизни своей они любви не отдадутъ. Не поставятъ ея въ центръ всего, какъ дѣлали мы; не оплачутъ, утративъ ее, кровавыми слезами; не станутъ банкротами, а пойдутъ свободными и гордыми дальше, беря попутно радости»... оказалась довольно удачно привитой къ жизни нашихъ дней. А

поэтому—поневоля приходится тревожить мирное прозябаніе «великой» писательницы.

Извиняемся.

Итакъ, согласно «новому» ученію, человекъ только тогда будетъ свободнымъ, когда душа его не будетъ связана ни узами любви, ни узами дружбы, семьи. Но такъ ли это? Неужели истина, дѣлающая человекъ свободнымъ, заключается въ расторженіи едва ли не самаго священнаго—любви и дружбы, привязанности и семьи? Нѣтъ,—веселый товарищъ, позвольте съ вами не согласиться во многомъ, если не во всемъ. Любовь всегда была, есть и будетъ свободной. Нѣтъ несвободной любви, нѣтъ рабской любви. Любовь только тогда и можетъ быть таковой, когда она свободна. Но только свободна не такъ, какъ Вы ее понимаете. Ваша свободная любовь исключаетъ семью, исключаетъ привязанность, идеалы, иллюзіи, исключаетъ душу, жизнь. Исключая все священное и дорогое, на чемъ зиждится нашъ духовный міръ, пренебрегая строгими рамками нравственности, вы осмѣиваете великую, истинную любовь, приближающую насъ къ Небу, и тѣмъ самымъ сводите ее къ чисто животной... Не знаю, но мнѣ думается, что безвременно угасшая проповѣдница, отвергая любовь, какъ чувство, связанное съ дружбой, семьей, ревностью, безуміемъ, страданіемъ, иллюзіями, связанное и съ душой и съ жизнью человекъ, отвергая любовь, какъ высокое истинное чувство, выходящее изъ самыхъ затаенныхъ глубинъ человѣческаго сердца, — жестоко ошибается.

Не страдая, любить могутъ только животныя. Любовь безъ страданія, это все равно, что человекъ слѣпой отъ рожденія. Любовь это свѣтъ, страданія — тьма. Но мы только тогда и можемъ познать свѣтъ, когда получимъ понятіе о тьмѣ. Чѣмъ сильнѣе страданія, чѣмъ невыразимѣе скорбь, тѣмъ свѣтлѣе любовь, тѣмъ больше счастья и радости она намъ приноситъ. Человекъ, который всю свою жизнь ѣлъ лишь одно сладкое, не знаетъ, что такое сладкое, ибо ему осталось неизвѣстнымъ единственное мѣрило познанія—сравненіе. Отвѣдавъ же горькое, онъ уже сравнивалъ, получаетъ истинное понятіе о сладкомъ. Точно также и любовь. Страданія, неразлучныя съ любовью, безчисленны, какъ ракетины

на морскомъ берегу, говоритъ Овидій. Любовь на всякій возрастъ имѣетъ свои страданія, писалъ И. С. Тургеневъ.

Слишкомъ просто, слишкомъ легко г-жа Вербицкая разрѣшаетъ мировую проблему любви. Сказать—долой семью и дружбу, сказать—привязанность стѣсняетъ животныя порывы и страсти чело-вѣка, сказать—ревность и страданія мѣшаютъ наслаждаться и отдаваться всѣмъ и каждому, сказать все это—не составляетъ никакой трудности...

Каждый чело-вѣкъ—это мѣръ, который съ нимъ рождается и съ нимъ умираетъ; подъ каждой могильной плитою лежитъ всемирная исторія*). И разгадать этотъ полный невѣдомыхъ тайнъ мѣръ чело-вѣческой души не по силамъ чело-вѣку. Сколько поколѣній великихъ мудрецовъ и гениевъ склоняли въ безсиліи свои могучіе таланты надъ разрѣшеніемъ этого вопроса... Тайны чело-вѣческой жизни велики, а любовь—самая недоступная изъ этихъ тайнъ**). И не г-жа А. Вербицкой вести чело-вѣчество по новой дорогѣ свободной любви. Новыхъ путей нѣтъ, любовь—одна. Пусть насъ упрекаютъ въ отсталости «отъ вѣка», пусть надъ нами смѣются. Но наша любовь, увѣнчанная страданіями, овѣянная тихими грезами, окрыленная свѣтлой мечтой о дорогой семьѣ, не поколеблется отъ этого.

Пройдутъ годы. Новыя поколѣнія смѣнятъ старыя. А любовь лучезарная и истинная, вѣчно новая и вѣчно свободная, все будетъ сверкать надъ чело-вѣчествомъ. Пусть порицаютъ нравственность, но сила великой морали не пострадаетъ отъ этого. Двѣ вещи, чѣмъ больше и настойчивѣе я размышляю о нихъ, писалъ Кантъ, наполняютъ мою душу вѣчно новымъ и постоянно возрастающимъ благоговѣйнымъ удивленіемъ: звѣздное небо надо мною и нравственный законъ во мнѣ.

Свободная любовь, какъ понимаетъ ее г-жа А. Вербицкая, дѣйствительно, не вяжется съ христіанской нравственностью. Последняя, какъ совершенная, требуетъ у чело-вѣка жертвы—борьбы съ животными страстями во имя свѣтлыхъ идеаловъ истинной любви, которая въ минуты страшной нашей душевной дисгармоніи

*) Гейнс.

**) И. С. Тургеневъ.

примираетъ насъ съ Небомъ, въ минуты радости и счастья наполняетъ нашу душу неизъяснимымъ, неземнымъ блаженствомъ, въ минуты творчества окрыляетъ наши мечты, мысли, думы и возноситъ на пьедесталъ совершенства. Съ этимъ истиннымъ и единымъ г-жа А. Вербицкая никакъ не можетъ согласиться. Этотъ свѣтлый мiръ слишкомъ узокъ для нея, — онъ не по плечу ей.

И вотъ новый путь найденъ: сбросьте съ себя всѣ узы, связывающія васъ съ нравственностью, семьей, дружбой, идите навстрѣчу всѣмъ вашимъ животнымъ страстямъ! Не надо стѣснять человѣка въ проявленіяхъ его инстинктовъ—и человѣкъ сдѣлается свободнымъ!—хлопотливо увѣряетъ безусловно «широкоизвѣстная и талантливая писательница». Но —увы! какъ бы ни силилась она доказать, что любовь, какъ *мы* ее понимаемъ, приноситъ только страданія, а человѣкъ долженъ лишь наслаждаться, какъ бы ни силилась она доказать, что любовь требуетъ, по своей природѣ, отзыва на призывъ всѣхъ и каждаго, она никогда не докажетъ, что нравственность, дружба, семья, привязанность—нелѣпость, ненужныя вещи. Доказать, что то, на чемъ воспитывались тысячелѣтіями цѣлыя поколѣнія народовъ, на чемъ зиждится наша духовная жизнь, изъ чего черпало и черпаетъ человѣчество свои великія силы, чѣмъ пророки покоряли зло и насиліе, доказать всю нелѣпость и ошибочность этого—значитъ самому впасть въ глубокую ошибку и обнаружить въ своей аргументаціи всю бездарность, узкость и пошлость своей натуры. Я не хочу развѣнчивать г-жу А. Вербицкую. Нѣтъ! пусть, она ножинаетъ вполнѣ заслуженныя лавры гениальной писательницы, но я только хочу напомнить ей липній разъ слова нашего русскаго критика В. Гр. Бѣлинскаго --творчество есть удѣлъ немногихъ избранныхъ, а не всякаго, кто только умѣетъ читать и писать...

«Модныя» вѣянія, какъ и всегда, пройдутъ безслѣдно. Тайну жизни такъ просто и легко разрѣшить нельзя. Не всякая тайна будетъ вѣрно разгадана, если вы ее сведете къ животному и попрете все истинное!..

— Эй! Опускайте занавѣсъ, — фарсъ конченъ...

— Послушайте, нельзя ли безъ этой театральности?

— Чавой-то?..

Сапожники «точают» пироги.

Глава первая и последняя.

„Юморъ доступенъ только глубокому и сильно развитому духу“.

В. Гр. Бѣлинскій.

Маленькіе люди становятся великими, когда великіе переводятся, писалъ Шекспиръ о ничтожныхъ міра сего. Эти слова гениальнаго писателя каждый разъ приходятъ мнѣ на память, когда я имѣю несчастье пробѣгать сборники „юмористическихъ“ рассказовъ современныхъ корифеевъ пера, вродѣ Аркадія Аверченко (точнѣе, — Мовни Лифшица), Тэффи и пр. Съ претензіей на тонкій юморъ, остроту, оригинальность, умъ и талантъ, эти наши доморощенные сочинители юмористическихъ рассказовъ, напрягая всѣ силы своего безсилія, регулярно, время отъ времени, выбрасываютъ на книжный рынокъ такое количество своего, правда, дешеваго товара, что приходится только благоговѣть и удивляться плодovitости оныхъ сатириковъ...

Литература, потерявъ своихъ послѣднихъ великихъ и истинныхъ, обратилась въ наши дни въ одно изъ выгодныхъ ремеселъ, которое при извѣстной ловкости и спекулятивности можетъ принести довольно хорошій гешефтъ. Страсть къ легкой наживѣ, съ одной стороны, и жажда славы, хотя бы мгновенной и купленной, съ другой, толкаетъ сотнями этихъ „начинающихъ“, но подающихъ большія надежды, литераторовъ на сочинительство, благо ни таланта, ни способности, ни даже посредственнаго ума при этомъ

„дѣлѣ“ не требуется. Побольше сальности, площадной брани, порнографіи („Власть тѣла“. Евг. Мауринъ. СПб.), дешевой остроты („Спеціалисты“, рассказъ Сергѣя Городецкаго; „Весна и Кладбище“,—Петра Кожевникова и пр.), немножко выкраденнаго, немножко переименованнаго („То, чего не было“, романъ г. Ропшина),—и дѣло въ шляпѣ. Пройдетъ, глядишь мѣсяць—другой и современный сочинитель приобретаетъ славу великую, приобретаетъ деньги, такъ много, такъ скоро и такъ легко. Чего же еще надо? Услужливый журналистъ, за извѣстную мзду, настроитъ двѣ—три статейки, тиснетъ ихъ въ „передовой“ журналъ, восхвалитъ онаго до небесъ,—это второй Гоголь, Байронъ, Фридрихъ Шиллеръ! А бессмысленная толпа, дикая, невѣжественная чернь за то-то и удивляется этимъ гаерамъ, принимая ихъ наглость и дерзость за знаніе и умъ*). Такова, въ общихъ чертахъ, исторія современнаго сочинительства.

Юморъ, писалъ В. Гр. Бѣлинскій, есть столько же умъ, сколько и талантъ. Съ этимъ никакъ не могутъ согласиться современные юмористы. Юморъ, это есть способность написать что-нибудь смѣшное, хотя бы и глупое; юморъ—наилегчайшее средство къ достиженію вѣчной цѣли—денегъ. Вотъ что такое юморъ съ точки зрѣнія современныхъ юмористовъ. Стоитъ только пробѣжать такіе „юмористическіе“ рассказы, хотя бы Аркадія Аверченко, какъ „Въ ресторанѣ“ и „Воздухоплавательная недѣля въ Коркивѣ“, или „Почести“ и „Звѣринецъ“, чтобъ убѣдиться въ истинности всего вышеизложеннаго.

Тысячу разъ правъ Гейне, когда онъ писалъ,—послѣ ухода героевъ выходятъ на сцену клоуны! Н. В. Гоголь, Щедринъ, Ант. Чеховъ,—ихъ нѣтъ, они сошли съ жизненной великой арены, уступая мѣсто другимъ... И вотъ, изъ разныхъ темныхъ уголковъ, подталкивая другъ друга и тутъ же давя другъ друга, поспѣшно лѣзутъ на пьедесталъ истиннаго и великаго какіе-то приспѣшники толпы. Побрякивая золотыми монетами, прицелкивая языкомъ и зубами, они лихорадочно облѣпляютъ великій жертвенникъ Искусства, живо сметаютъ съ него все старое и отжив-

*) В. Гр. Бѣлинскій.

шее, лихо заваливаютъ его всѣмъ «новымъ» и моднымъ и открываютъ свою широкую распродажу дешевыхъ общедоступныхъ товаровъ.

Какъ въ калейдоскопѣ, мелькаютъ и Аркадій Аверченко съ его «Веселыми устрицами», и Евг. Вѣнскій съ его «Моимъ копытомъ», и Тэффи, Вл. Азовъ, Этлингеръ, Шаломъ-Алехеймъ, Андреевъ, Кузринъ и прочіе „юмористы“ нашихъ дней. Размѣнивая истинно-художественное творчество на ничтожные, пустые, грязные рассказы, искусственно, натянуто и фальшиво создавая смѣшныя сценки и шаржи, эти сочинители „юмористическихъ“ сборниковъ лишь опошляли литературу и создали изъ нея какое-то средство для наживы. Служеніе истинѣ отошло въ область преданія. Служеніе той великой, художественной простотѣ, которая есть красота истины, смѣнилось наясничествомъ, продажной, мелкой сатирой, глупымъ пасквилемъ. Что дали всѣ эти кривляющіеся „остроумники“ читающей публикѣ?—ничего, кромѣ натянутыхъ и дутыхъ, неудачныхъ и водянистыхъ притязаній на художественное творчество; чему научили они людей, какіе святыя идеалы они заронили въ душу читателя и чѣмъ они вызвали сладостное бѣненіе сердца и искреннюю слезу восторга? Гдѣ этотъ всемогущій, всеобъемлющій, побѣдный, здоровый смѣхъ богатыря орла, великаго юмориста—сатирика Гоголя? Гдѣ этотъ гений, который пустяками и мелочами ноянилъ цѣлую тайну, отчего изъ Чичикова вышелъ такого рода „приобрѣтатель“? Гдѣ этотъ смѣхъ, видимый всему міру, гдѣ эти слезы, незримыя, невѣдомыя ему!..

Все такъ опошнилось, все такъ измельчало,—все продажно и ходульно. Нѣтъ искренности, нѣтъ художественности, нѣтъ глубокаго творчества во имя искусства,—лишь какія-то болѣзненные потуги и издѣвательства надъ литературой. Ни таланта, ни силъ, ни искренняго вдохновенія и паэоса, ничего нѣтъ,—все сведено до ничтожнаго, до грубыхъ и низкихъ вкусовъ толпы. Лишь одни аппетиты и страсти къ наживѣ велики.

—Пусть искусство будетъ попрано, пусть все истинное и святое жизни будетъ мелко, дешево, осмѣяно и оплевано,—только бы денегъ и маленькаго, крошечнаго успѣха, славы, славы хотя

бы балаганнаго клоуна...

Какъ несчастны эти уроды съ ихъ резиновымъ хихиканіемъ!..
Нѣтъ, юморъ не доступенъ для ничтожества, — этой современной писательской черни. Нѣтъ, юморъ не доступенъ для всей этой заправской, набившей себѣ руку „литературной“ компаніи.
Юморъ чуждъ нашимъ ремесленникамъ пера, какъ чуждъ сапожнику!

Горячее сердце все къ жизни стремится,

А разумъ тревожный не хочетъ мириться

Съ толпою сомнѣній, встающихъ невольно,

И шепчетъ—довольно!

Н. Б.

III

Евреи передъ судомъ исторіи.

(Маленькая энциклопедія).

Бисмаркъ:

— Если вы не сумѣли сохранить доброжелательства и дружбы народа, то я полагаю, что вамъ слѣдуетъ положить руки на свои сердца, чтобы въ нихъ нащупать сѣмя этой непріязни. Вы сами сдѣлали себя невыносимыми на всѣхъ развѣтвленіяхъ общественной жизни; вы унижали религіозныя вѣрованія народа; вы подкапывались подъ основы государства; вы угрожаете гибелью недвижимой собственности, уничтожаете торговлю вашими банкротствами, расшатываете благосостояніе земледѣлія; нутемъ вашихъ отравленныхъ газетъ сбиваете съ толку общественное мнѣніе; вы постоянно поддерживаете смуту народную тысячами и тысячами вашихъ *ритуальныхъ обычаевъ*.

* * *

— Вы живете вредной, чужеядной жизнью. Вы пришли нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ сумою за плечами; но ваша энергія не была стѣснена никакими требованіями совѣсти; во всякой радости, даже преступной, вы отдавали предпочтеніе передъ радостью честнаго труда. И съ того времени, какъ государства обременены миллиардами долговъ, ваши биржевые демократы имѣютъ миллиарды состоянія.

* * *

— Вамъ вовсе не нужны ни государство, ни общество, которые васъ приняли съ такимъ гостепріимствомъ; вы вовсе не желаете присоединиться къ нашему благородному труду.

* * *

— Вы стремитесь захватить преобладаніе въ нашемъ отечествѣ, и вы не успокоетесь, пока не подкопаетесь подъ самыя основы христіанства и государства.

* *

— Все вамъ доказываетъ, что нѣтъ въ томъ нашей вины, если нынѣ нѣтъ вамъ мира.

— Мы вамъ предоставили все, по вы самымъ преступнымъ образомъ употребили во зло наше довѣріе къ вамъ.

А. Бурнакинъ:

— Еврейскій журналъ для русскихъ дѣтей—это звучитъ почти какъ оскорбленіе, но мы едва ли не улыбаемся новой пощечинѣ. Господинъ изъ черты осѣдлости пренахально усѣлся у русской колыбели и невозбранно совершаетъ обрядъ духовнаго обрѣзанія.

* *

— Вторженіе евреевъ въ нашу дѣтскую литературу нужно разсматривать, какъ заразную болѣзнь, которую немедленно слѣдуетъ запереть въ строжайшій карантинъ. Зараза стережетъ нашихъ малютокъ за каждымъ угломъ, выглядываетъ изъ cadaго газетнаго кіоска, и цензура дѣтскаго внѣшкольнаго чтенія является настоятельной необходимостью переживаемаго времени.

* *

— Не забывайте, что русская печать теперь въ нераздѣльной власти евреевъ.

* *

— И „осѣдлость“, и „норма“, и вообще „стѣсненія, чинимыя евреямъ“, существуютъ только на бумагѣ, а въ дѣйствительности вся Россія—въ плѣну іудейскомъ, для евреевъ она, какъ благословенная Палестина, уготованная израилю. Еврейство прожорливой саранчой набросилось на русскія богатства, и „тьма египетская“ покрыла Россію отъ края до края.

* *

— Темный богъ Израиля, богъ хищничества, вымогательства, наживы, богъ обмана, предательства и всякой лжи и неправды, этотъ темный богъ насилія, злобы и мести идетъ впередъ своего

„возлюбленного“ народа и передаетъ насъ жидовскому заклѣтію и наводитъ на насъ непробудный сонъ, непостижный страхъ.

* * *

— Уже идутъ на насъ судьи и пророки іудейскіе, уже готовятъ намъ израиль своихъ вождей и царей: судятъ насъ Азефы, Дейчи, Гершуни, пророчествуютъ намъ Марксы, Лассали, Бернштейны, Лафарги, повелѣваютъ нами Ротшильды, Гирсы, Мендельсоны.

* * *

— Пронырливые, льстивые, угодливые, лицемѣрные—они покоряютъ насъ безъ бою, насъ—лѣнивыхъ, зѣвающихъ, податливыхъ, неустойчивыхъ, легковѣрныхъ.

* * *

— На сильнаго—раболепьемъ, на слабого—нахальствомъ, на малодушнаго—рублемъ, на мечтателя—посуломъ, на чувствительнаго—похотью—такъ шествуетъ по Руси воинственный израиль, такъ покоряетъ онъ „нечестивыхъ гоевъ“.

* * *

— Торговля, производства, ремесла, наука, литература, искусство, все народное хозяйство и весь духовный капиталъ—и тѣло и мысль народа—въ кабалѣ, въ откупѣ, подъ заклѣтіемъ евреевъ. Въ ихъ рукахъ биржи, банки, магазины, фабрики, заводы, въ ихъ рукахъ хлѣбъ и деньги, правосудіе и просвѣщеніе, все къ нимъ липнетъ, все ими оскверняется.

* * *

— Еврей—если онъ не ростовщикъ, то развратитель или предатель, или подстрекатель, или кровопійца; его путь—обманъ, грабежъ, его оружіе—развратъ и преступленіе. Въ торговлѣ онъ—шантажистъ, на биржѣ—стервятникъ, въ работѣ—надуватель, въ политикѣ—бунтовщикъ и предатель, на судѣ—лжесвидѣтель, въ печати и въ литературѣ—развратитель, отрицатель, чловѣконенавистникъ, въ искусствѣ—опошлитель, осквернитель, низменникъ, въ обиходѣ—нахаль, въ сношеніяхъ—сводникъ, въ обществѣ—фарисей съ улыбкой на лицѣ и съ камнемъ за пазухой. Будто собралъ Господь всю грязь, всѣ нечистоты, всю мерзость вселенной и изъ всего этого сотворилъ «возлюбленного» израиля.

* * *

— Сколько у насъ въ литературѣ несправедливо отвергнутыхъ и забытыхъ—и все изъ-за жида!.. Онъ все внесъ: и непримиримость, и озлобленіе, и ядовитую клевету, и неразборчивую месть.

* * *
— Бойтесь еврейской любви, страшитесь ея нѣжныхъ толкованій—волки приходятъ въ овечьей шкурѣ.

* * *
— Еврейскіе писатели первыми бросились воспѣвать и всячески поэтизировать кровавую революцію. Въ ихъ описаніяхъ особенно ярко сказалась чудовищная безжалостность къ крови и мукамъ человѣка.

* * *
— Любви къ человѣку ради человѣка у евреевъ нѣтъ, они цѣликомъ въ служеніи своимъ тайнамъ и стремленіямъ. Обросшее тысячелѣтнимъ жиромъ самодовольства, еврейское сердце не знаетъ духовной, идеальной любви, оно слѣпо къ добру, и дѣланіе добра способно понимать только по-фарисейски, учитывать его ростовщически, возвращать обратно съ поклонами и процентами.

* * *
— Народъ безсильный и нищій духовно, евреи умѣютъ необыкновенно ловко и незамѣтно приспособлять чужіе таланты и вдохновенія. Особенно чувствительно это подтвердилось на литературѣ.

* * *
— Скажутъ—еврейство угнетено—но это будетъ пустая фраза—развѣ нашему простому народу живется слаще, чѣмъ евреямъ?

* * *
Евреи покупаютъ русскаго даже не за «тридцать сребренниковъ», а за «тридцать іудинныхъ поцѣлуевъ».

* * *
— Они въ совершенствѣ научились играть на нашихъ слабыхъ стрункахъ, на нашемъ нравственномъ самодурствѣ, умственномъ обезьянствѣ. Захотѣлось русскому писателю «свободы»--стала еврей дразнить литературное сознаніе «красной тряпкой», захотѣлось теперь ему самоуслажденія, и еврей съ циничной улыбкой поднесъ порнографію.

Вагнеръ:

— Не германцы и не славяне ассимилируютъ еврея, а онъ заставляетъ ихъ жидовѣть. Опасность въ томъ, что у еврея нѣтъ религи, есть только вѣра въ обязательства свои относительно ихъ бога, притомъ не въ загробной жизни, а здѣсь, на землѣ, гдѣ еврей призванъ, будто бы, властвовать надъ всѣми тварями. Законспѣлый реалистъ, непроеводительный самъ по себѣ, еврей превосходно умѣетъ извлекать пользу изъ всѣхъ изобрѣтеній другихъ, строить своекорыстныя спекуляци на всѣхъ нуждахъ и на всѣхъ человѣческихъ способностяхъ, торгуетъ даже самыми святыми вещами, напр., стремленіемъ къ идеалу и художественнымъ творчествомъ. Онъ—прекрасный представитель эгоистической воли въ жизни, типъ расчетливаго хищнаго звѣря, въ тысячу разъ болѣе опаснаго и жестокаго, чѣмъ воинственный хищный звѣрь; онъ—воплощенный торжествующій демонъ человѣческаго вырожденія.

* *

— Германцы потеряли чувство того, что полезно и что вредно: они не умѣютъ защищаться отъ нашествія евреевъ. Во имя религиозной терпимости и равенства всѣхъ исповѣданій передъ закономъ, они іудейскую религію, которая не есть религія, поставили на одну доску съ различными христіанскими исповѣданіями. Во имя какого-то отвлеченнаго принципа равенства, они пожаловали евреямъ тѣ же самыя права гражданства, что и христіанамъ, и не замѣтили тѣхъ громаднхъ опасностей, которымъ подвергло насъ такое безумное поведеніе. Они не замѣтили, что уже съ нѣкоторыхъ поръ въ современномъ обществѣ господствуетъ еврей и еврейскій духъ. Теперь дѣло идетъ уже не объ эмансипаціи евреевъ—она давно готова. Въ настоящее время вопросъ въ томъ, сумѣютъ-ли христіане эмансипироваться отъ власти евреевъ?

* *

— Подумайте о томъ, что только одна вещь можетъ освободить васъ отъ проклятія, которое виситъ надъ вами, это—искупленіе агасфера *уничтоженіе!*

* *

— Евреи во всѣ времена поклонялись своему національному

воинственному и завистливому богу, который ненавидѣлъ всѣхъ чужеземныхъ боговъ и обѣщалъ своему „избранному“ народу владычество надъ другими народами.

— Въѣдреніе іудейскаго племени въ чуждую ему по духу жизнь арійскихъ народовъ, есть одно изъ трагичнѣйшихъ явленій европейской культуры. Жаль, что донинѣ не исправлена эта великая ошибка, жаль, что Ротшильдъ оказался весьма остроумнымъ и отказался отъ чести быть королемъ евреевъ, предпочитая сдѣлаться евреемъ королемъ...

— Душа націи выражается въ языкѣ ея. Евреи говорятъ языкомъ того племени, среди котораго живутъ, но всегда говорятъ, какъ иностранцы. Они представляютъ единственное, въ своемъ родѣ, племя, національный языкъ котораго омертвѣлъ, несмотря на вѣковую живучесть народа. А творить на чужомъ языкѣ невозможно даже для величайшихъ гениевъ. Поэтому вся европейская цивилизація и ея искусство остались чуждыми для евреевъ: они не принимали никакого участія въ образованіи и развитіи ихъ, но только издали, лишенные отечества, они присматривались къ нимъ. На нашемъ языкѣ и въ нашемъ искусствѣ еврей можетъ только повторять, подражать, но создавать изящныя произведенія, творить — онъ не въ состояніи... Еврейскій акцентъ не истребимъ, не какъ фізіологическое явленіе, но какъ духовная, прирожденная іудею расовая особенность.

Ты знаешь ли народъ, котораго жидами всѣ зовутъ,
Который даже Бога своего не прочь надуть, какъ низкій плутъ?
Ты далъ ему и землю, и пріютъ, возможность быстро размножаться,
Ты не мѣшалъ ему вездѣ свободно развиваться.
Увы, несчастный, ты не зналъ,
Какой тебѣ готовитъ жидъ финаль.

Жидъ любить лишь деньги одни, вездѣ избѣгая напастей,
Живетъ онъ обманомъ, взимая проплаты, способствуя росту
несчастій.

Его талисманъ—ключъ дивный—златой,
Онъ имъ открываетъ сердца, жидюга лукавый и злой;
Предъ нимъ не сокроешь ты тайны своей,
Ее превосхитить изъ груди твоей,
Предатель и льстивецъ, юда-злодѣй.
Нѣтъ горше несчастья быть должнымъ жиду. .
Одно лишь спасенье имѣй ты въ виду:
Страны той, гдѣ миръ и спокойствіе дома,
Боятся жиды, какъ чумы и погрома.

Вольтеръ:

— Евреи—это самое гнусное племя, которое когда-либо загрязняло землю (*c'est la race la plus sordide, qui ait jamais souillé la terre*).

— Причисляють ли себя эти обрѣзанные евреи къ колѣну Неффалимову или Иссахарову, это имѣетъ весьма мало значенія; они, во всякомъ случаѣ, всѣ величайшіе плуты, когда-либо осквернявшіе собою земную поверхность.

— Еврейская нація осмѣливается проявлять непримиримую вражду противъ всѣхъ націй; она возстаетъ противъ всѣхъ своихъ господъ: всегда жадная къ чужой собственности, всегда варварская, она—пресмыкается въ несчастіи и дерзка въ благодѣйствіи.

— Евреи—самая постыдная и самая ненавистная изъ всѣхъ мелкихъ націй.

— Гуроны въ Америкѣ, дикіе прокезы были философами и проповѣдниками челоуѣчности въ сравненіи съ израилемъ.

— Вы найдете въ евреяхъ лишь невѣжественный и варварскій народъ, соединившій въ себѣ искони самую грязную скупость съ самымъ отвратительнымъ суевѣріемъ и непобѣдимую ненавистью ко всѣмъ народамъ, которые терпятъ и обогащаютъ его.

Гердеръ:

— Министерство, въ которомъ еврей имѣетъ значеніе; домъ, въ которомъ ключи отъ шкапа и кассы хранятся у еврея; департа-

ментъ, въ которомъ евреи завѣдуютъ дѣлами; *университетъ*, въ которомъ приняты евреи, — все это подобно понтійскому невысыхающему болоту.

* * *

— Иудейскій народъ остался и навсегда останется въ Европѣ народомъ азіатскимъ, чуждымъ нашей части свѣта и, по его собственному признанію, неразрывно связаннымъ съ тѣмъ ветхимъ завѣтомъ, который былъ данъ ему подъ другимъ отдаленнымъ отъ насъ небомъ.

Гёте:

— Какъ можемъ мы допустить причастность еврея къ высшей культурѣ, источникъ и происхожденіе которой онъ отрицаетъ.

Гоголь:

— Вѣчная мысль о золотѣ, точно червь, обвиваетъ душу жида.

Гомеръ:

— Еврейскій народъ — обманщикъ коварный, злой казнодѣй, отъ котораго много людей пострадало.

Дени *):

— ...Чему вы удивляетесь, противъ чего негодуете? Еврей чѣмъ-нибудь, но неизмѣнно торгуетъ, что-нибудь да продаетъ. Винавать ли Дрейфусъ, когда въ извѣстную минуту у него не случилось ничего иного для продажи, *и онъ былъ вынужденъ продать свое отечество?*

Достоевскій:

— Жиды погубятъ Россію!

Драгомировъ:

— Не за преслѣдованіе васъ вы ненавидите другіе народы, какъ въ этомъ стараетесь всѣхъ убѣдить, наоборотъ, васъ преслѣдуютъ

*) Французскій писатель и депутатъ. Эпиграфъ взятъ изъ его рѣчи въ парламентѣ въ 1895 г.

за ненавистничество къ другимъ, что есть по вашему закону не только не грѣхъ, а заслуга передъ Иеговой.

Эдуардъ Дрюмонъ:

— Талмудъ запечатлѣнъ въ ихъ мозгу по закону наслѣдственности; онъ есть умственное достояніе, завѣщанное безчисленнымъ множествомъ поколѣній, которыя сохли и блѣднѣли надъ изученіемъ этихъ правилъ и успѣли воплотить ихъ въ себѣ. Евреи проникнуты, пресыщены своимъ талмудомъ. Они ему обязаны не только своимъ враждебнымъ взглядомъ на гоевъ, своимъ полнѣйшимъ отсутствіемъ всякаго моральнаго чувства, всякаго различія добра отъ зла, но и своимъ особеннымъ строемъ.

А. И. Дубровинъ:

— Во всѣхъ кровавыхъ звѣрствахъ особенно изощряются евреи. Трусливые, но злобные и мстительные, они всюду вносятъ неумолимую жестокость. Они провоцируютъ погромы, вопіютъ объ нихъ на весь міръ, шлютъ всюду телеграммы, требуя международного вниманія, чуть ли не уголовного суда надъ Россіей; грозятъ возмездіемъ, взываютъ къ своему мстительному богу:

„Богъ Адонай“,

„Богъ топчущій, какъ глину, враговъ,
Богъ мстительный до третьяго колѣна“...

Дюрингъ:

— Маленькій народъ, ничѣмъ кромѣ жестокости и эгоизма не отличавшійся въ своей древнѣйшей исторіи, послѣ паденія своего государства—вселился въ видѣ паразитовъ въ тѣла другихъ народовъ и распространилъ свой духъ по всей землѣ.

* * *

— Писатель, который не захотѣлъ бы восхвалять, какъ нѣчто въ высшей степени благодѣтельное ихъ, іудеевъ, расовыя особенности, долженъ приготовиться къ самымъ непріятнымъ каверзамъ съ ихъ стороны. Освобожденіе отъ евреевъ и отъ вредныхъ вліяній, которыя они вносятъ въ общество, есть наипервѣйшая социальная задача.

* * *

— Торговля тѣмъ товаромъ, который образуетъ содержаніе газетъ, не есть гандель слишкомъ реальный, а потому на жидовскую конкуренцію долженъ дѣйствовать какъ магнитъ. На 95 процентовъ товаръ этотъ состоитъ изъ лганья и всякихъ извращеній, распространяемыхъ въ обществѣ, а остальные 5 процентовъ тоже можно приобрести за сходную цѣну и они также могутъ не блистать особенно хорошими качествами. Занятіе такимъ гешефтомъ для людей отъ племени Іуды особенно привлекательно.

* *

— Если бы не было руководителей государственной политики, которые бы нанимали іудей и давали бы имъ работу, то не было бы возможно и такое явленіе, что іудей даютъ тонъ почти во всей прессѣ.

* *

Еврейскій вопросъ не ограничивается *однимъ* народомъ; это— вопросъ народовъ... Гдѣ только этотъ «избранный» кочующій народъ ни появляется, всюду тотчасъ же возникаетъ для общества еврейскій вопросъ.

Эмиль Зола:

— Проклятая раса, не имѣющая ни отечества, ни царя, живущая паразитомъ на чужой націи, дѣлающая видъ, что подчиняется законамъ, а на самомъ дѣлѣ повинующаяся лишь своему богу: богу крови и злобы, всюду сѣющая ненависть, устраивающаяся какъ паукъ въ паутинѣ и подстерегающая добычу, чтобы высосать кровь до послѣдней капли. Видано ли, чтобы еврей трудился? Нѣтъ. Трудъ обезпечиваетъ,—ихъ религія запрещаетъ работать. Они могутъ лишь эксплуатировать чужой трудъ.

Фр. Кольбъ:

— Съ невыносимымъ національнымъ высокомеріемъ развивалось у нихъ изысканное варварство. Ни одинъ другой древній народъ съ другимъ культомъ не показалъ себя въ такой степени нетерпимымъ и склоннымъ къ преслѣдованію другихъ націй и религій, какъ іудей.

* *

Богъ израиля сначала былъ богомъ племени и потомъ путемъ нѣкоторой загадочной эволюціи превратился въ Бога вселенной.

М. О. Меньшиковъ:

— Орудіемъ еврейскаго внѣдренія служить крайняя степень наглости и ловкій обходъ закона.

* * *
— Если вы не еврей и хотите попасть въ адвокаты, вы должны быть давно извѣстны еврейскимъ кругамъ въ качествѣ радикально-тупого, подслуживающагося къ еврейству шабесгоя. Разъ у васъ нѣтъ такой заслуженности,—надъ вами производится утонченнѣйшій и до тошноты гнусный сыскъ при помощи евреевъ въ разныхъ городахъ и всякъ Россіи. Этотъ сыскъ не прерывается и въ томъ случаѣ, если русскому какъ-нибудь удастся протолкнуться сквозь сомкнутый строй еврейскихъ спиць.

* * *
Нѣтъ на свѣтѣ безпощаднѣе одолѣвшаго, торжествующаго жида.

* * *
— Евреи настойчиво внушаютъ, будто все, что стоитъ за евре-евъ—прогрессивно, гуманно, либерально, возвышенно; все же, что противъ нихъ—есть дикость, варварство, тупоуміе и низость.

* * *
— Съ евреями невозможно бороться не потому, что они умнѣе, талантливѣе, энергичнѣе русскихъ, а потому, что они проницательнѣе и безсовѣстнѣе нашего брата и сверхъ того пользуются огромной поддержкой всего еврейскаго кагала.

* * *
— Нашими же силами, нашими же деньгами, нашимъ же законодательствомъ паразитное племя насъ же и сокрушаетъ.

* * *
— Рожденная не героизмомъ и талантомъ, а фальсификаціей и проницательностью, аристократія еврейская является самою плохою аристократіей въ свѣтѣ, самою безсовѣстною, самою жадною, самою наглою, а главное—*всегда чуждою* поработченному ею народу.

* * *

— Если чѣмъ опасны евреи, то это не трудомъ своимъ, а безчестностью, которую они вносятъ въ организацію всякаго труда. Безчестность эта истощаетъ христіанское населеніе вмѣсто того, чтобы обогащать его.

* * *
— Еврей, вашъ соперникъ, неутомимъ. Будьте неутомимѣе его. Онъ встаетъ въ семь часовъ, — вы вставайте въ шесть. Онъ ведетъ умѣренную жизнь, — вы ведите себя еще сдержаннѣе. И въ количествѣ, и въ качествѣ труда вовсе не трудно обогнать еврея, ибо въ огромномъ большинствѣ случаевъ аріецъ одареннѣе и трудоспособнѣе семита.

* * *
— Геніальнѣйшіе люди всѣхъ временъ высказывались неизмѣнно противъ еврейства.

* * *
— Чѣмъ дольше евреи сидятъ на мѣстѣ, тѣмъ ближе они къ „исходу“ изъ него.

* * *
— Въ политическомъ отношеніи — евреи вытѣсняють христіанъ въ экономическомъ — порабащуютъ ихъ, въ нравственномъ — развращаютъ.

* * *
— Не въ сожженной солнцемъ Палестинѣ, не въ Аравіи, не въ центрѣ Африки или Америки, — а въ центрѣ „Евре—опы“ создается еврейская имперія.

* * *
Жиды „поддерживаютъ“ христіанъ, словъ нѣтъ, — но въ родѣ того, какъ петля поддерживаетъ повѣшеннаго...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖИВЫЯ ИСКОРКИ.

Графъ и юродивый.

(Почти фактъ).

— Кто я?—спросилъ разъ „знатный“ царедворецъ у одного юродиваго.

— Не знаю,—отвѣчалъ тотъ.

— А кто ты?—разсмѣлся въ отвѣтъ царедворецъ.

— Человѣкъ,—прошепталъ юродивый.

Прошло много времени. Тотъ же „знатный“ царедворецъ встрѣчаетъ того же юродиваго.

— Узналъ?

— Что тебѣ надо,—спросилъ юродивый.

— Теперь ты узнаешь меня? Смотри,—и царедворецъ, гордо взмахнувъ сороковкой, торжественно указалъ себѣ на грудь, гдѣ красовались новые ордена.

Но юродивый не хотѣлъ смотрѣть ему на грудь. Онъ поднялъ голову и долго разглядывалъ пѣщивое чело своего собесѣдника.

— Что ты тамъ видишь?—нахмурился „знатный“.

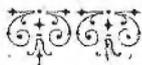
— Корону.

— Какую корону?

И глаза заблестѣли у царедворца.

— Изъ битыхъ бутылокъ,—прошепталъ юродивый.

Михаиль С.

Модернъ.

Я видѣлъ сонъ!
Плыла луна,
Была она
И тутъ же онъ.

Въ саду росли рябина и черемуха...

Печальный тонъ
Его рѣчей
Казался ей
Какъ погребальный звонъ.

Въ саду росли рябина и черемуха!..

И слезъ ея
Не видѣлъ онъ,
Но тихій стонъ
Зато услышалъ я.

Въ саду росли рябина и черемуха!!

Вячеславъ И.

Оглавление.

I.

Часть официальная, а потому неинтересная.

Передовица	7.
Маленькая история одного маленького кружка	9.
Аргорос	12.

II.

Идеаль. Стихотворение Н. Б.	14.
Ходоки. Эскиз Н. Полтавца	17.
„Есть души“.. Стих. А. Жуковского	22.
Война и человечество. Эскиз Мих. Спасовского	23.
Въ защиту поэзіи. Стих. В. Прохоровичъ	25.
Мысли. Вяч. Игнатовича	30.
Наборщикъ Нечаевъ. Разсказъ Н. Полтавца	31.
Романсъ. Стих. Вяч. Игнатовича	41.
Гекзаметръ. Н. Б.	42.
Судъ подѣламъ малолѣтнихъ. Очеркъ Н. Иваницкаго	43.
„Когда встаетъ туманъ“... Стих. А. В. Жуковского	44.
Вѣра и жизнь. Рефератъ Ник. Муратова	51.
Туча. Стих. Вяч. Игнатовича	55.

П

Попурри поцѣлуевъ. Novellen von Marie Madeleine:	
Allegretto	59.
Staccatto	66.
Роза. Стих. въ прозѣ Вяч. Игнатовича	71.
О современномъ писательствѣ:	
Вербидкая и толпа	75.
Сапожники „точаютъ“ пироги.—Мих. Спасовскаго	79.
Горячее сердце... Стих. Н. Б.	82.

III.

Евреи передъ судомъ исторіи. Маленькая энциклопедія.	85.
--	-----

Живыя искорки.

Графъ и юродивый. Почти фактъ. Михаила С.	97.
Модернъ. Стих. Вячеслава И.	98.

